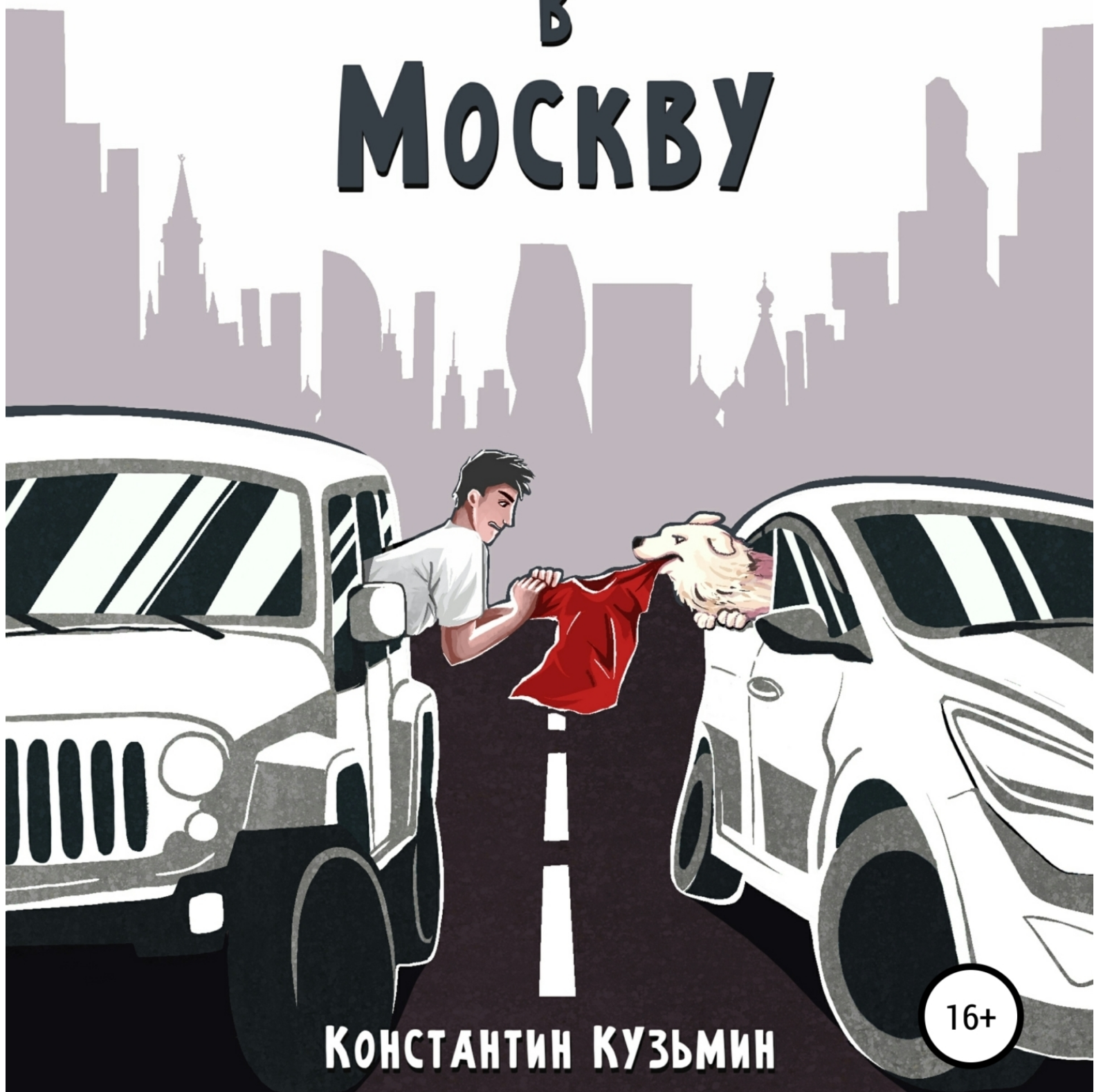

Господин Дадли

ПРИЕЗЖАЕТ

В

МОСКВУ

КОНСТАНТИН КУЗЬМИН

16+

Константин Кузьмин

**Господин Дадли
приезжает в Москву**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Кузьмин К.

Господин Дадли приезжает в Москву / К. Кузьмин — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-99439-3

Что показать иностранцу в Москве? Так ли безобидны говорящие попугаи? Как правильно готовить паука-голиафа? Почему чужие персональные данные лучше не трогать? Ответы на эти вопросы вы найдете, присоединившись к компании трех закадычных друзей, которым пришлось развлекать нагрянувшего в гости лондонского профессора. Вас ждет безумный круговорот событий: шпионские страсти, курьезы в лучших традициях американского ситкома и ироничные рефлексии о жизни в современной Москве.

ISBN 978-5-532-99439-3

© Кузьмин К., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

1	5
2	21
3	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Константин Кузьмин

Господин Дадли приезжает в Москву

1

Откровенно говоря, я никогда не понимал, зачем люди женятся. Нет, я не против союзов любящих сердец. Обеими руками за. Любовь, вне всякого сомнения, – чувство светлое и прекрасное. Только она и вкусная еда делают жизнь более или менее сносной. Но при чем здесь этот дурацкий официоз? Заявления, бланки, штампы, высосанные из пальца клятвы, чудовищно дорогие букеты и толпы расфуфыренных гостей?

Промчавшись сквозь свадебный переполох, молодожены заработают шанс насладиться жизнью в законном браке перед разводом и дележом имущества. Но после неизбежного расставания, обильно сдобренного ссорами и проклятиями, счастливые моменты быстро забудутся, как будто их не было вовсе.

Как ни странно, не все разделяют мою точку зрения, и опостылевший марш Мендельсона продолжает шествие по земному шару, опустошая карманы влюбленных (а чаще их родителей) и позволяя адвокатам по семейным делам менять машины на новые гораздо чаще, чем они заслуживают. Мужчины мечтают жениться, чтобы закрыть вопрос о мужской состоятельности, который ни у кого, кроме них, не возникал. Женщины бегут замуж ради обеспеченного будущего, надеяться на которое могут только самые наивные простушки.

Иностранцев понять еще можно, но в русском языке само название брачного института должно намекать людям, что продукт имеет явные дефекты, которые неизбежно проявятся после гарантийного медового месяца. Но никого это не останавливает! Некоторые умудряются приобрести брак не один, а несколько раз. Очевидно, по наивности полагают, что проблема не в самом факте женитьбы, а в конкретном человеке, который должен их осчастливить. Разведясь с первой сварливой женой, получают вторую жадную, третью глупую и так далее, пока не оставят тщетные поиски или не разорятся на свадьбах и алиментах.

Возможно, кто-то скажет: «Позвольте, но я лично знаю образцовых супругов. Они любят и уважают друг друга. Их симпатичные отпрыски приносят из школы отличные оценки. В доме живет улыбчивая собака, которая дает лапу и никогда не лает на незнакомых людей. А пожилые родители пускают слезу, радуясь тому, как удачно сложилась жизнь у их детишек!»

Спорить не буду – такие семьи есть. Но чем им помог штамп на четырнадцатой странице паспорта? Они встретились и полюбили друг друга. Объявить об этом могли любой группе заинтересованных слушателей – в церкви, ЗАГСе или в кондитерской напротив. А могли и не рассказывать вообще. Какой бы способ оформить отношения не пришел им в голову, они все равно были бы счастливы и жили душа в душу до гробовой доски.

Ждет ли такая удача остальных? Теоретически – да. Кто поручится, что завтра вы не сорвете лотерейный джекпот, а в следующем году не удивите знакомых, заговорив по-китайски? Эти достижения вполне возможны, но, согласитесь, маловероятны.

Конечно, я слегка преувеличиваю. Чтобы узнать насколько, достаточно посмотреть статистику разводов. Печальные цифры объяснят, почему дальновидные люди предпочитают вступать в брак после тридцати. Надеюсь, этот тренд продолжится и в один прекрасный день свадьбы будут играть, когда жениху с невестой перевалит за шестьдесят, а еще лучше – за семьдесят. В таком возрасте гораздо легче избежать ошибок, и главное – обоим уже нечего терять. Вместо того чтобы плодить пустые обещания о будущем, женитьба станет долгожданным красивым итогом. И все вокруг будут понимать, что эти двое свой брак по-настоящему заслужили!

Мысли вроде этих крутились у меня в голове с тех пор, как на телефон пришло сообщение от Юли. В нем говорилось, что она прибудет через полчаса. Юля – моя лучшая подруга. В смысле не романтическом, а вполне обычном. Последние десять лет наглядно показали, что такое тоже бывает. Третий в коллективе – мой старый приятель по имени Григорий, которого я знаю со школьной скамьи. В компании этих симпатичных персонажей я и провожу большую часть свободного времени.

Знакомство с Юлей произошло в университете: она училась на параллельном курсе и в какой-то момент завела роман с парнем из моей группы. Когда любовь прошла, мы продолжили общение уже без посредника. Девушкой она была приятной, веселой и во всех отношениях продвинутой. Училась тоже на зависть: все пять лет уверенно шла на красный диплом, который в результате и получила.

На него клюнули сразу несколько работодателей. Поразмыслив, Юля выбрала предложение PR-агентства «Кац и партнеры». С тех пор значительно продвинулась по службе и стала неплохо зарабатывать. В прошлом году тринадцатую зарплату ей вручил лично господин Кац, а остальные партнеры крепко пожали руку. Словом, Юлина карьера складывалась как нельзя более успешно.

Ее личная жизнь, однако, оставляла желать лучшего. Будучи девушкой обаятельной, она пользовалась устойчивым спросом, но ее требования к мужскому полу были, мягко говоря, завышены. Вернее сказать, ее планка была установлена так возмутительно высоко, что ее не взял бы в лучшие годы даже Сергей Бубка. Девять из десяти мужчин она отвергала с первого взгляда без права на апелляцию. В эту группу входили обладатели вредных привычек, плохих манер, многообещающих залысин, пыльных ботинок, татуировок и необрезанной кутикулы.

Остальные имели неплохие шансы. Если, конечно, у них было безупречное чувство юмора, отзывчивое сердце и серьезные карьерные перспективы. Приветствовалось наличие собственного жилья и равнодушие к спортивным трансляциям, за исключением Чемпионата мира по футболу. Не знаю, почему, но Юля уверена, что мужчине, который игнорирует главный турнир планеты, доверять нельзя.

Надо сказать, что этот список не был высечен в камне и пополнялся свежими критериями после каждого нового знакомства. Из чувства мужской солидарности я несколько раз пытался вступить за претендентов. Призывал не заикливаться на мелочах и быть готовой на компромиссы, но все попытки потерпели неудачу. Большинство увлечений продолжалось не более двух недель, и в какой-то момент я просто перестал ими интересоваться. Решил, что в таких вопросах женщине поможет только время.

Тем больше было мое удивление, когда в конце прошлого года она как бы между прочим объявила, что нашла того, кого искала. Сначала я ошибочно подумал, что речь идет о новом парикмахере. Предыдущего в благодарность за стрижку она чуть не убила филировочными ножницами. Как понял, спасло его только присутствие в зале других клиентов, которых, заметая следы, тоже пришлось бы убрать.

Однако все оказалось гораздо серьезней: у Юли появился новый ухажер! Звали его Максим, ему было тридцать лет, работал в международной компании грузовых перевозок ABC Logistics. Ее офис находился в одном здании с PR-агентством «Кац и партнеры». Там их пути и пересеклись. По словам Юли, Макс был мужчиной во всех отношениях замечательным и, вдобавок, англичанином.

Оба факта впоследствии подтвердились, хотя второй – с небольшой натяжкой. Англичанином он был по паспорту на все сто, а на самом деле – наполовину, так как мама была русской. Но в остальном – мечта любой девушки: симпатичный, интеллигентный и по-британски остроумный. После знакомства мне пришлось признать, что привередливость себя оправдала. В конечном счете Юля нашла-таки человека, который смог удовлетворить ее «скромные»

потребности. С тех пор их отношения складывались как нельзя лучше. Месяц назад, забыв о том, что не стоит трогать вещи, которые прекрасно работают, они объявили о помолвке.

Если Юля говорит, что прибудет через полчаса, можно быть уверенным только в одном: по прошествии тридцати минут в дверь она не постучится. Непонятно, какие мотивы заставляют ее рассылать подобные анонсы, учитывая, что она еще ни разу не оказалась в пункте назначения в заявленное время. Услышав, что она зайдет через полчаса, можно со спокойной совестью навестить родителей, сгонять за фрикадельками в IKEA или посетить с друзьями ближайший кинотеатр. После этого, скорее всего, останется время вздремнуть, чтобы встретить ее свежим и отдохнувшим.

В тот воскресный день никаких срочных дел не было, поэтому, пропустив все промежуточные шаги, я сразу погрузился в послеобеденный сон. Два с половиной часа пролетели незаметно – вместо будильника прозвучал долгожданный звонок в дверь. Перед тем как открыть, быстро умылся: признаваться, что проводишь день на диване вместо того, чтобы делать что-то полезное, всегда неудобно.

– Отдыхаем? – спросила Юля вместо приветствия, с усмешкой посмотрев на мое мокрое сонное лицо.

Пришлось оскорбиться и соврать, что с утра сильно болела голова. Она сделала вид, что поверила, и, не дожидаясь приглашения, прошла на кухню. Выпив по чашке кофе, мы поговорили о том о сем, пока не выяснилось, что у визита была одна очень конкретная причина.

– Есть маленькая новость, – начала она осторожно. – Или, вернее, просьба.

Как оказалось, через несколько дней в Москву из Лондона собирался прилететь папа Юлиного жениха – профессор Роберт Дадли. Основной целью поездки было знакомство с девушкой, очаровавшей сына. Помимо этого он планировал осмотреть местные достопримечательности и в целом приятно провести время. На выполнение этих задач отвел ровно две недели.

– А мама не хочет познакомиться? – поинтересовался я.

– Боится летать, – объяснила Юля. – Ждет нас в гости к Рождеству, если...

– Разведка пройдет успешно?

Она кивнула:

– Иначе... не видать мне ни пудинга, ни свадьбы: Макс о родителях очень уважительно отзывается.

Я был уверен, что английскому джентльмену Юля понравится.

– Не вижу проблем: поработаешь гидом чуток.

Она закатила глаза:

– Две недели один на один? С незнакомым иностранцем?

Стало понятно, к чему она клонит:

– Я-то здесь причем? Жениха завела – пусть папашей и занимается!

– Так и планировали, но теперь он в командировку собрался!

Из ее рассказа я узнал, что у Макса действительно была уважительная причина. Неделю назад его компания отправила грузовой контейнер по маршруту Москва – Челябинск. Из Москвы он укатил, но в Челябинск так и не приехал. Внутри была охлажденная рыба осетровых пород, заказанная челябинской мэрией. Предназначалась для потребления на многочисленных мероприятиях в рамках дня города, включая фуршет в администрации, на котором ожидалось высокие гости из Москвы.

Когда контейнер пропал с радаров, начался полный переполох. Унизительная перспектива остаться на праздник без белой рыбы вывела снабженцев мэрии из себя. Разговор с руководством ABC Logistics прошел на повышенных тонах. От них потребовали в кратчайшие сроки найти груз и не допустить срыва торжеств, которых ждал весь Челябинск.

– Начальник Макса оправдаться пытался, – усмехнулась Юля, – перевести стрелки на РЖД. Так они его чуть ли не в диверсии против металлургов обвинили! Говорят, мы за две тысячи километров от моря живем. Для нас осетрина – груз стратегического назначения! Засудим вас к чертовой матери, если не найдете.

– При чем тут море? – не понял я. – Ее же в искусственных водоемах разводят.

Она махнула рукой:

– Какая разница? В общем, вызывает начальник Макса – он у них как раз за железные дороги отвечает, – иди, говорит, собирай чемодан!

Уяснив обстановку, я понял, что отвертеться не выйдет:

– Ну и чего ты хочешь?

Она сложила ладони под подбородком и очаровательно улыбнулась:

– Отпросись на работе. Погуляем по Москве, посмотрим достопримечательности. Обещаю, будет весело!

Я почесал затылок. В принципе, идея не была такой уж плохой: в Москве должно быть множество интересных мест, посетить которые руки не доходили.

– Ладно... развлечем твоего гостя.

– Ура! – радостно хлопала Юля.

– Но вдвоем не справимся. Нам нужен Григорий.

Улыбка быстро слетела с ее лица:

– Может, попробуем без него? Не уверена, что он произведет на господина Дадли хорошее впечатление.

Юля считает нашего друга Григория слишком негативным и, надо признать, она абсолютно права. Для меня, однако, это является безусловным достоинством, а никак не недостатком. Григорий принадлежит к той замечательной и крайне полезной группе людей, которые не умеют радоваться мелочам, во всем видят только плохое и при первой возможности указывают окружающим на разного рода недочеты. Особое раздражение вызывает то, что, как правило, эти наблюдения делаются, когда ему следовало бы заниматься своими делами, а не совать нос, куда не звали.

Зная Григория со школы, могу поручиться, что прекрасное он видит не хуже остальных. Однако в интересах прогресса отказывается болтать о вещах, с которыми все в порядке, пока остаются моменты, требующие оптимизации. Критикой не ограничивается: не думайте, что, указав на ошибку, он тут же попросается и убежит на поиски следующей жертвы маниакального перфекционизма. Напротив, Григорий вникнет в проблему, предложит на выбор несколько решений и отметит то, которое считает наиболее подходящим. Напоследок даст несколько советов о том, как избежать подобных неприятностей в будущем. К сожалению, критику взрослое население России на дух не переносит, и до конструктивной стадии дело доходит нечасто. Репутация Григория от этого незаслуженно страдает.

По профессии он программист. Зная его коллег, должен сказать, что практически все они демонстрируют похожие симптомы. Наверное, критическое отношение к миру каким-то таинственным образом связано со способностью писать код. Если эта болезнь действительно профессиональная, становится очевидным ответ на вопрос, как Григория вообще терпят на работе, которым задавались многие его знакомые вне офиса.

Я пообещал Юле, что буду держать уровень негатива под контролем, и позвонил своему другу с просьбой присоединиться к нам как можно скорее.

Уже через час мы сидели втроем, уминая бутерброды с бужениной и плавленый сыр, который, если честно, давно стоило бы выкинуть. Не знаю, как вы, а я рассматриваю любой приход гостей, как возможность избавиться от залежавшихся в холодильнике продуктов. Оказавшись в ситуации «ешь, что дают, или оставайся голодным», большинство из них оценивают риск как минимальный и спасают пищу, которая вполне может быть съедобной.

Ознакомившись с нашим предложением, Григорий проглотил последний кусок сыра.

– С ума сошли? Что собираетесь с иностранцем две недели делать?

– Осматривать достопримечательности! – бодро ответила Юля. – А что такого?

Григорий попросил уточнить, какие достопримечательности она имеет в виду.

– Ну как... Кремль, Красную площадь... что-нибудь еще.

– С Кремлем понятно. Какие мысли про «что-нибудь еще»?

Юля призналась, что мыслей пока нет, но это не должно быть проблемой: миллионы туристов приезжают в Москву каждый год, и, наверное, что-то они тут смотрят.

Как оказалось, Григорий владел предметом не хуже опытного экскурсовода:

– Расписание такое: после завтрака Красная площадь и музеи Кремля, потом – обед в кафе «Пушкин», днем бродят по Арбату в поисках матрешек, вечером садятся на поезд и уезжают в Санкт-Петербург.

Юля вытаращила глаза:

– Думаешь, так делают все?

– Все семейные, – уточнил Григорий. – Неженатые после ужина идут в ночной клуб, а в Питер улетают следующим утром.

Мне показалось, что он преувеличивает:

– Наверняка есть туры на три дня или неделю.

– Три дня, думаю, еще можно заполнить, – нехотя признал он, – если подольше в пробках стоять. А вот если бы мне продали тур на неделю, я – скажу вам честно – подал бы в суд и разорил этих агентов к чертовой матери!

Я напомнил Григорию, что он без особых проблем проживает в Москве уже тридцать лет.

– Я же не ищу тут достопримечательности, – хмыкнул он. После небольшой паузы смягчился и перевел разговор в конструктивное русло: – Ладно, давайте думать, чем занять вашего господина Дадли.

В течение следующих двух часов мы перебрали все возможные места, которые могут заинтересовать иностранца в Москве. Посетили десяток туристических сайтов, статьи для которых явно писал один и тот же плохо оплачиваемый копирайтер. Просмотрели набор открыток с видами Москвы в разные времена года, а также склеенную скотчем карту города, купленную моим отцом в какой-то момент между приходом к власти Брежнева и началом перестройки.

Результатом исследования стал вывод, что, помимо Кремля, достопримечательности в Москве все-таки есть. Разделить их можно было на три группы: те, о которых мы никогда не слышали; те, о которых слышали, но никогда не видели; и те, которые посетили в рамках школьной экскурсии. Единственным исключением был Парк Горького, где всего лишь неделю назад мы съели по две порции отличной шаурмы на каждого.

От первой группы отказались сразу: если за тридцать лет они не смогли оповестить нас о своем существовании, ожидать от них чудес не стоило.

– Остальные, – подытожил Григорий, – можно обсуждать.

Юля торжественно поставила галочку напротив Красной площади:

– Кстати, как на счет Мавзолея? Захочет он на Ленина посмотреть?

Григорий был уверен, что нормальный человек рассматривать мертвых не будет. Вне зависимости от того, чем они занимались при жизни. По его мнению, всех посетителей Мавзолея следовало бы прямо на выходе ставить на учет в профильном учреждении.

Я попросил его не быть таким категоричным. В ситуации с рядовыми мертвецами, он, скорее всего, был бы прав. Призыв осмотреть труп заинтересует в лучшем случае криминалистов и патологоанатомов. Но речь шла о человеке, который в любой момент может быть похожен, что, на мой взгляд, придавало визиту своеобразную интригу.

– Сейчас он там есть, и на него можно посмотреть, – сказал я многозначительно. – А уже завтра его там может не быть. Понимаешь, о чем я?

Григорий сделал паузу, как будто прикидывая, не пора ли поставить на учет меня, но потом пошел навстречу:

– Пусть сам решает. Пометь пока знаком вопроса, – попросил он Юлю. – Вместе с ночной экскурсией по подмосковным кладбищам. О ней я тоже слышал много хорошего.

Оставив в покое вождя мирового пролетариата, мы перешли к обсуждению других пунктов программы.

– Может, цирк? – спросила Юля, сверившись со списком. – Говорят, наш лучший в мире!

– Клоуны точно лучшие, – усмехнулся Григорий. – Только разбежались оттуда давно: сообразили, что есть места поинтереснее.

– По-моему, иностранцы их боятся, – вспомнил я.

– Только те, кому родители за плохое поведение Стивена Кинга на ночь читали, – объяснил Григорий.

– Не только! – тут же воскликнула Юля. – У Макса приятель есть, Стив зовут. Когда ему было семь лет, в туалете «Макдональдс» встретил клоуна Рональда. В самый неподходящий момент. Открыл кабинку – а тот внутри, дела свои делает. Представляете? Сколько лет прошло – до сих пор во сне видит!

– Такое не всякий взрослый выдержит! – рассмеялся я.

– А мне клоуны по барабану, – пожалла плечами Юля. Потом вздохнула: – Но я ужасно волнуюсь за акробатов. Сразу глаза закрываю: вот прям сейчас свалятся и свернут шею! Потом бегать все начнут, суетиться... доктора звать. Но куда там? С такой высоты разве выживешь... И прямо из цирка – на похороны... вместе со зрителями. Они же и виноваты, кто еще? Не купили бы билет, был бы жив человек!

– Сразу ехать не придется, – успокоил ее Григорий, – на третий день только.

Как бы то ни было, пугать Юлю не хотелось, поэтому я предложил вместо цирка сходить в зоопарк: осмотреть зверей без риска нарваться на клоунов и акробатов.

Пока Григорий проверял, не осталось ли что-то в холодильнике, мы с Юлей обсудили плюсы и минусы теплоходной экскурсии по Москве-реке. Вернее, только плюсы: ни одного повода отказаться от приятной прогулки по воде найти не удалось. Вернувшись со стаканом кефира, Григорий сказал, что компанию составить не сможет, так как не до конца доверяет водному транспорту. Уговоров слушать не захотел, но пообещал встретить нас у причала, если мы до него доплывем.

Следующим пунктом – уже безо всяких споров – стал Пушкинский музей с его замечательной коллекцией импрессионистов. Потом – так же легко – смотровая площадка МГУ.

– Как насчет Бородинской панорамы? – спросила Юля. – Вряд ли он был в музее, где есть всего одна картина.

– Наверняка мелких тоже понаставили, – усомнился я.

Григорию идею поддержал:

– Для французов война плохо закончилась. Значит, англичанину понравится.

Потом шли планетарий и Храм Христа Спасителя. Варианты диаметрально противоположные – один из двух гостей наверняка устроит. Если повезет, то оба. На этом список подошел к концу.

– Сколько дней протянем? – спросила Юля.

– Пять-шесть, – прикинул я, – неделю с небольшим, если любит вздремнуть после обеда.

– Маловато будет, – огорченно заметил Григорий. – Еще мысли есть?

– Балет в Большом? – быстро нашлась Юля.

Перспектива отдать круглую сумму за три часа скукоты меня не прельщала, но другого выхода, похоже, не было. Григорий тоже отнекивался, но в итоге согласился. С одной оговоркой: если Макс вернется в Москву до спектакля, билет достанется ему.

Казалось, идеи иссякли, но тут я вспомнил, что недалеко от Москвы находится Подмосковье. А там располагается моя дача, которая способна убить не один день, а целые выходные.

Последний пункт добавил Григорий: сверившись с телефоном, сообщил, что вскоре наша футбольная сборная будет играть с англичанами. К сожалению, матч был в гостях, что делало совместный поход на стадион невозможным. Решили, что поболеем у телевизора. После этого поблагодарили друг друга за отличную работу и, довольные результатом, распрощались.

Не откладывая дел в долгий ящик, уже следующим утром я попросил своего начальника перенести две недели отпуска с сентября на вторую половину августа. В отличие от большинства знакомых, у меня никогда не было проблем с боссом. Когда Александр Анатольевич уезжает в командировку (что бывает довольно часто), я искренне считаю его лучшим руководителем на свете. Возвращаясь в офис и интересуясь результатами моей работы, он по понятным причинам теряет в рейтинге, но при этом все равно остается человеком разумным и справедливым.

Единственное, что выводит его из себя, – это лежащее на столе заявление об отпуске. Обычно он долго и изумленно смотрит на этот листок, будто не веря, что стоящий перед ним человек, которого он считал своим другом, мог неожиданно совершить столь низкий поступок. Даже если проситель не отдыхал несколько лет, он почувствует себя жалким предателем, который наплевал на все, что сделала для него компания, и бросил ее на произвол судьбы в угоду своим легкомысленным утехам.

Слава богу, мой сентябрьский отпуск был согласован уже давно. Чтобы получить благословение на перенос, хватило простого обещания: все, что собирался сделать во время этих двух недель, сделаю до их начала.

Ровно через семь дней мы отправились в аэропорт «Шереметьево» встречать господина Дадли. Сколько приедет багажа, не знали, поэтому согласились с предложением Григория поехать на его машине. В начале года он приобрел подержанный внедорожник, которым очень гордился.

Для себя я давно уяснил, что спорить с водителями крупногабаритного транспорта о том, чья машина лучше, не имеет ни малейшего смысла. Познав прелести полного привода, большого багажника и высокой посадки, на владельцев седанов они поглядывают с плохо скрываемым презрением. В ответ жаждут зависти и восхищения. Насмотревшись сладкой рекламы, эти пижоны думают, что готовы ко всему. Но что происходит на самом деле? Вместо горных рек колеса разбрызгивают городские лужи, а вместо пустынных барханов – душную пыль подмосковных обочин. В глубоком сне полный привод штурмует Кордильеры, а в реальности – грязные сугробы и хлипкие московские бордюры. Багажник стонет от самовывоза, а высокий центр тяжести обещает десяток кульбитов после любого столкновения на трассе. Об экологии и трудностях с парковкой я уже не говорю.

То ли дело – старые добрые времена. До того, как безжалостная пандемия кроссверов перевернула мир, позволив домохозяйкам занять идеальную для обзора позицию сверху. В левом ряду вместо двухэтажных недоразумений властвовали элегантные спортивные седаны, а на джипах ездили те, кому это реально нужно: фермеры и бандиты. И, кстати, мир был гораздо безопасней: остановив машину, полиция могла спокойно надеть наручники на всех, от кого не пахло навозом.

Справедливости ради надо сказать, что внутри большой автомобиль Григория был очень удобным. Когда мы с Юлей расположились на заднем сиденье, она попросила включить кондиционер: на улице было жарко.

– Волнуешься? – спросил я.

– Не хочу вспотеть: испорчу первое впечатление.

Я согласился:

– Если унюхает, конец! Вряд ли уважающий себя англичанин позволит сыну жениться на потной женщине.

– Я бы не позволил, – подтвердил Григорий, поворачивая на Ленинградское шоссе. – Думал как-то в фитнес-клуб записаться. Дошел до раздевалки – понял: не мое!

Я предположил, что причиной разворота был не запах, а беспросветная лень: физическая активность Григория редко выходила за рамки управления персонажами компьютерной игры при помощи кликов на мышь и клавиатуру.

– Пальцы тоже тренировать надо, – засмеялся он.

– Пусть кондиционер включают, – съязвила Юля. – Сколько раз просить можно?

– Забыл сказать: основной кондиционер не работает.

– Есть дополнительные? – удивилась она.

– Четыре штуки, у каждого сиденья! – подмигнул в зеркало заднего вида Григорий.

Юля щелкнула ему по затылку, после чего открыла окно – в машину вошел густой поток жаркого воздуха и выхлопных газов. Ленинградка была забита: машины ползли со скоростью двадцать километров в час.

– Еще минут десять – спина будет насквозь мокрой, – обреченно прошептала она.

– Думаешь, захочет обнять? – спросил я. – Англичане вроде народ сдержанный.

– Наверняка обнимет, – пообещал Григорий. – Поцелует даже. Мужик в возрасте, зачем упускать шанс?

Получив еще один подзатыльник, он повернулся к Юле:

– Не волнуйся! Когда пробка рассосется, наберем скорость и быстро просохнем.

– Нас обнимать не будет? – уточнил я на всякий случай.

Григорий был уверен, что от мужчин потребуется только рукопожатие не потной рукой, а для таких случаев у него всегда есть салфетки.

Юля немного успокоилась и, пока мы плелись в пробке, рассказала давно обещанную историю о том, как познакомились родители Макса.

Его папу, как я уже упоминал, звали Роберт. Он был университетским профессором, специализировался на русской литературе девятнадцатого века. А маму звали Наташа или, если полностью, Наталья Андреевна. Родом была из Самары. На заре перестройки Роберт Дадли, который уже в то время неплохо знал русский язык, перелез через обломки железного занавеса и прибыл в Россию, чтобы познакомиться с родиной Пушкина и Достоевского.

В тот момент он писал диссертацию по произведениям русских классиков и задавал себе вопросы, испокон веков стоявшие перед русской интеллигенцией: «Кому на Руси жить хорошо?», «Кто в этом виноват?» и «Куда смотрит милиция?» Где лежит конверт с правильными ответами, разумеется, никто не знает. Возможно, потеряли, но я лично склоняюсь к мысли, что его давно выкрали американцы и передают каждому новому президенту вместе с ядерным чемоданчиком. И они по-своему правы. Если мы узнаем всю правду, может сбыться давний прогноз Пушкина: Россия вспрянет ото сна, выпьет огуречного рассола и не оставит камня на камне от мировой гегемонии США.

Однако Роберт, как человек образованный и ввиду англосаксонского происхождения гораздо менее склонный винить во всем Америку, начал поиски в Третьяковской галерее. Доверившись чутью великих художников, бродил по музейным коридорам и подолгу рассматривал людей, изображенных на старых полотнах. Его глаза цеплялись за мельчайшие штрихи в надежде понять, какие мысли и мотивы скрывались за тем или иным выражением лица. В одном из залов он остановился перед картиной Репина «Не ждали» и надолго задумался о том, куда отлучался главный герой, что помешало оповестить семью о приезде и почему из шести

домочадцев радостно улыбался ему только сын. В тот момент сам Роберт точно не ждал, что через минуту познакомится с будущей женой.

Наташа приехала в столицу на три дня с автобусной экскурсией «Москва культурная». Несмотря на обязывающее название, большинство пассажиров разбежалось за покупками прямо с автовокзала: перед тем как лететь к вершине пирамиды Маслоу, они решили удовлетворить базовые потребности в одежде и импортной электронике. С Наташей остались лишь экскурсовод и пять туристов, по внешнему виду которых было ясно, что денег на обновления у них не было уже несколько лет. В отличие от сбежавших пассажиров, молодая Наталья Андреевна приехала в Москву с искренним желанием прикоснуться к прекрасному и намеревалась отправиться по магазинам строго по окончании экскурсии.

В Третьяковке растерявший аудиторию культработник вещал вяло. В какой-то момент Наташа предпочла остаться с искусством один на один и незаметно потерялась. В одном из залов ее внимание привлекла картина, показавшаяся знакомой. Рядом с ней стоял задумчивый мужчина – лет тридцати, симпатичный, чуть ниже среднего роста. Аккуратно причесанные волосы, очки в роговой оправе и стильный костюм выдавали человека ухоженного и интеллигентного. Она подошла поближе и прочитала табличку – в голове всплыла известная с детства фраза «картина Репина “Не ждали”». Быстро разгадав сюжет, повернулась к задержавшемуся у полотна посетителю:

– Совсем мужик загулял!

– Вы думаете? – удивился он.

По акценту она поняла, что говорит с иностранцем:

– Судите сами: жена, похоже, плюнула уже!

Мужчина с интересом посмотрел на Наташу, потом – еще раз на картину:

– Возможно... у него были какие-то проблемы?

Она снисходительно улыбнулась:

– Вы, я вижу, не из России. У наших мужиков проблема одна – продается в любом гастрономе, поллитра за червонец! Вы только посмотрите: грязный, мятый весь, как из-под моста вылез! Взгляд стремный, будто собственную жену не узнает!

Роберт хотел сказать, что принять на грудь любят не только в России, но прервать обличительную речь не успел. Поставив диагноз главному герою, девушка тут же перекинулась на ближайшее окружение. В кадр эти люди не попали, но в его жизни несомненно присутствовали. Досталось всем, кто, вместо того чтобы протянуть руку помощи, толкал пьяницу к краю бездны: приятелям-собутыльникам, потакающим любовницам, безответственным родителям и никуда не годным учителям. Потом выразила сочувствие женской половине семьи, а также серьезное опасение за судьбу сына, который неподобающим образом улыбался в такой тяжелый момент.

– Если срочно не взяться за воспитание, пойдет по пути папаши: сопьется или, еще хуже, окажется в тюрьме, – подытожила она и наконец замолчала.

Сзади раздался деликатный кашель. Наташа повернулась и, к своему удивлению, обнаружила за спиной самарского экскурсовода. Увлеченная рассказом, его прибытия она не заметила. Рядом с ним стояли, переминаясь с ноги на ногу, остальные члены туристической группы.

– Картина эта о борце за свободу русского народа, – вежливо поправил ее культработник. – На полотне запечатлен момент, когда он вернулся домой после длительной ссылки.

Она густо покраснела, открыла рот, но подходящих слов не нашла.

– Семья о его судьбе ничего не знала. Боялись, что потеряли навсегда, – добавил он для полной ясности.

В тот момент Наташа очень пожалела, что не отправилась за покупками, вместо того чтобы рекламировать свое невежество перед симпатичным иностранцем.

Заметив ее смущение, Роберт улыбнулся:

– Искусство можно интерпретировать по-разному.

Когда экскурсовод увел группу в следующий зал, молодой господин Дадли набрался смелости и пригласил Наташу на чашку кофе, чтобы узнать ее мнение о других картинах экспозиции.

– Занятная история, – признал Григорий. – Знала бы, кого не ждали, не было бы ни Макса, ни помолвки... ни этой чертовой пробки!

За последние десять минут ситуация в прямом смысле накалилась: моя рубашка промокла настолько, что ее можно было выжимать. Повернувшись к Юле, я увидел огромную каплю пота, стекавшую по лбу в направлении правого глаза. Она зависла над бровью и после небольшого раздумья прыгнула вниз на кожаное сиденье. Юля посмотрела на меня с безмолвным отчаянием. Утешить ее было нечем.

– Если не успеем высохнуть, – сказал я, – господин Дадли подумает, что ты приехала в аэропорт прямиком с конкурса мокрых футболок.

– Не надо преувеличивать, Дима, – вмешался Григорий. – Не все промокшие женщины едут с сомнительных мероприятий. Юля вполне могла делать что-то полезное: собирать мебель, работать в саду или, к примеру... хоронить свою собаку – прямо перед поездкой в аэропорт. Почему бы нет? Ты когда-нибудь закапывал собаку на жаре? Вряд ли твоя футболка осталась бы сухой.

Я признал, что летом еще не закапывал, и пообещал, что, если придется, обязательно подожду до вечера перед тем, как взять в руки лопату.

– У меня нет собаки! – закричала в бешенстве Юля.

– Уже нет, – деликатно поправил Григорий.

– Юля права, – заметил я. – Если бы у нее были домашние животные, Макс наверняка рассказал бы о них родителям.

– Если хочешь, могу сказать, что это была моя собака, – великодушно предложил Григорий. – Он же не будет проверять?

– Тогда придется объяснять, почему Юля хоронила твою собаку, – возразил я. – Ты что, сам ее не мог похоронить?

Григорий попросил пару минут. По истечении обещал представить сценарий, в котором похороны Юлей его собаки были бы не просто вероятны, но являлись единственно возможным и абсолютно логичным решением.

– Чертовы идиоты! Что вы несете! Я не буду хоронить ничью собаку! – заорала Юля так, что люди, сидевшие в соседней машине, с ужасом посмотрели в нашу сторону.

Через секунду в открытом окне их автомобиля появилась лохматая собачья морда. Она уставилась на меня вопросительно, как будто требуя объяснений. К счастью, в этот момент пробка кончилась, и Григорий, нажав на газ, быстро оторвался от невольных свидетелей нашего спора. В окна ворвался долгожданный поток воздуха. Забыв о бредовых идеях, мы с Юлей радостно подставили потные лица встречному ветру – через минуту они были полностью сухими. Увидев, что план работает, Юля заметно повеселела:

– Теперь футболка!

Приподнявшись на кресле, она попыталась встретить воздушный поток животом – голова уперлась в крышу машины. Попробовала склонить ее вправо, потом влево, вперед и даже назад, но никак не могла удержаться в нужном положении больше трех секунд. В какой-то момент раздался хруст – Юля опустила на сиденье, не желая окончательно свернуть шею.

– Голова мешает, – проницательно заметил Григорий, который с удовольствием наблюдал за ее потугами в зеркале заднего вида.

– Давай спиной или боком, – предложил я.

За следующую пару минут Юля перепробовала с десяток позиций, некоторые – из курса йоги на продвинутом уровне. Потом вытерла пот и сделала выводы: боковой обдув более или

менее работал, но шел слишком медленно. Одна из поз позволила ей направить сильный поток воздуха в нижнюю часть спины. Соседние машины, однако, могли принять этот жест на свой счет. Как девушка приличная, вводить их в заблуждение Юля наотрез отказалась.

Эти упражнения, хоть и не привели к нужному результату, навели ее на идею получше. Она попросила Григория повернуть зеркало заднего вида так, чтобы он ее не видел. Потом приказала мне отвернуться к окну. Через секунду слева от меня раздались звуки борьбы человека и мокрой одежды.

– Держи за окном, пока не высохнет! – потребовала Юля, передавая мне футболку.

Посетившая ее мысль была простой и гениальной. Понимая, что аэропорт уже рядом, к выполнению задания я подошел со всей ответственностью. Чтобы обеспечить максимальную площадь обдува, держал футболку обеими руками, каждые тридцать секунд поворачивал другой стороной к ветру и даже выворачивал наизнанку. В результате через несколько минут почти вся влага испарилась.

В этот момент мы притормозили неподалеку от съезда на дорогу в аэропорт. Нас догнала машина с открытым окном у заднего сиденья. Из него высунулась уже знакомая морда собаки.

– Эй, дружок! Как дела? – радостно закричал я, размахивая Юлиной футболкой.

Пес подозрительно посмотрел мне в глаза – я почувствовал необходимость объясниться:

– Не волнуйся, похороны отменяются! Одежда высохла, ни одна собака не пострадала!

Он недоверчиво наклонил голову. Я махнул футболкой в его сторону: пусть убедится, что не обманываю. В ту же секунду вероломный пес, сбросив личину добродушия, схватил ее зубами и изо всех сил потащил на себя.

Этот ход застал меня врасплох, но я все-таки удержал футболку в руке и дернул обратно. Он уперся лапами в дверь и еще сильнее сжал зубы. Было видно, что сдаваться не собирается. Более того, маленький мерзавец выглядел так, будто получал удовольствие от предложенной ему игры.

– Зачем ты отдал футболку собаке? – завопила Юля за моей спиной. – Ты что, совсем спятил?!

Времени на препирания не было:

– Не кричи, лучше помоги вытащить!

Я попросил Григория во что бы то ни стало держаться бок о бок с соседним автомобилем. Юля обхватила меня за пояс. Объединив усилия, мы постепенно начали брать верх. Голова пса почти полностью вылезла из окна. В ближайшее время ему предстояло принять непростое решение: вернуть украденное или вылететь из машины вместе с ним.

В этот момент я услышал громкий звук приближавшегося мотора. Посмотрев назад, увидел мотоциклиста. Он быстро двигался между рядами прямиком к растянутой футболке. В голове пронеслись картины увиденной однажды подборки мотоциклетных аварий. Я бросил быстрый взгляд на пса. Оставалась надежда, что он заметит опасность и благородно решит, что жизнь байкера не стоит потной тряпки, о которой он еще минуту назад ничего не знал. Но пес продолжал тянуть футболку так, словно без нее дальнейшая жизнь не имела ни капли смысла.

Осознав, что выбора нет, я разжал пальцы. Через секунду беспечный ездук с ревом пронесся в сантиметрах от моего лица. Пес скрылся в салоне, Юлина футболка – вместе с ним. Соседний автомобиль ускорился и, минуя съезд на аэропорт, проехал прямо. Григорий свернул на Международное шоссе. В машине воцарилась тяжелая тишина.

– Почти сухая была, – чуть слышно произнес я.

– Сейчас подошла бы и мокрая, – с трудом удержался от смеха Григорий.

Юля молчала, как будто ее не было. Вина за случившееся мешала соображать, поэтому я спросил, какие мысли есть у Григория. Он ответил, что никаких проблем в нашей ситуации не находит.

– Так лучше, – согласился Григорий. – Если не будет трясти головой, сойдет за любителя лошадей или девчонок из «Тату».

Юля исполнила припев «Нас не догонят», показывая, что легенду уяснила и готова работать под прикрытием. Закрыв вопрос с гардеробом, мы переключили внимание на прилетевших пассажиров. Надо было вычислить господина Дадли по фотографии, полученной от Макса.

– Вон идет! – воскликнула Юля, указывая на невысокого мужчину в очках.

Улыбаясь и оглядываясь по сторонам, он бодро катил тележку к месту, где толпились встречающие. На нем были светлые летние брюки, голубая рубашка и элегантный синий пиджак.

– Вполне вероятно, – согласился Григорий. – Судя по улыбке, иностранец.

– Наши, по-твоему, не улыбаются? – язвительно спросила она.

– Только когда уезжают, – пояснил мой друг. – Чем дальше, тем шире улыбка.

В ответ Юля тряхнула головой, обнажив лицо президента, и пообещала Григорию, что, если он будет позорить страну в присутствии гостя, она лично напишет на него донос в ФСБ.

– Ладно, больше не буду, – сказал он примирительным тоном и тут же добавил: – Прячь быстрее! Смотрит!

Мужчина в очках перестал оглядываться и направлялся напрямик к нам.

– Юля? – спросил он, аккуратно припарковав тележку.

– Добро пожаловать в Москву, господин Дадли! – улыбнулась она, протягивая руку.

– Пожалуйста, зовите меня Роберт, – сказал он. – В жизни вы еще более симпатичная, чем на фотографиях!

Чтобы не быть голословным, господин Дадли нежно обнял Юлю и поцеловал в правую щеку. Потом хотел поцеловать в левую, но Юля уже отодвинулась, полагая, что приветствие окончено. Заметив, что это не так, вернула щеку на место. После этого оба на секунду замерли в преддверии возможного третьего поцелуя, но в конечном итоге остановились на двух.

– Это мои друзья Дима и Григорий, – представила нас Юля. – Попросила их составить компанию, пока будете в Москве.

Господин Дадли пожал нам руки и сообщил, что с нетерпением ждет возможности познакомиться поближе. На этом приветствия закончились. Я взял управление тележкой на себя и размашистыми шагами направился к выходу. Через несколько метров на пути возник коренастый мужчина в джинсах и рубашке с коротким рукавом. На груди висела пластиковая карточка, сообщавшая, что он работает таксистом.

Если говорить мягко и дипломатично, мое отношение к обитающим в аэропорту бомбилам можно описать как сильную неприязнь, переходящую в агрессивную ненависть. Каждый раз, когда волею судьбы я оказывался на милости этих навязчивых проходимцев, поездка заканчивалась попыткой грабежа и громким скандалом. Не будет преувеличением сказать, что мне довелось испытать большинство изобретенных этой шайкой способов обмана незащитного человека с чемоданом. Для меня накручивали счетчик в Киеве и завышали курс местной валюты в Праге. Питерский таксист, размахивая заранее заготовленной купюрой, нагло врал, что я дал ему сто рублей, а не тысячу. А в московском аэропорту «Домодедово» сердобольный водитель, обещая снизить плату за поездку, посадил двух попутчиков. Раскидав колоду карт, они пытались выудить деньги банальным шулерством. Когда поняли, что не выйдет, выкинули на пустынное шоссе вместе с чемоданом.

– До центра недорого поедете? – спросил человек с карточкой на груди.

– Поедем, – честно ответил я, продолжая быстро катить тележку к выходу.

Почувяв запах добычи, он оживился:

– Отлично!

– Что отлично? – спросил я.

Он пришел в легкое замешательство:

– Хорошо, что поедете. Я очень рад!

– За нас?

– Тому, что вместе поедем, – пояснил таксист.

– Хотите с нами? – спросил я. – Три тысячи рублей устроит?

– Вполне, – согласился таксист, – очень разумная цена.

– Через интернет дешевле будет, не пробовали?

– Ну... там ждать надо, к тому же непонятно, кто приедет!

– Нас тоже ведь не знаете?

Он расщедрился на комплимент:

– Вы люди порядочные, сразу видно.

– Ладно, – согласился я, – давайте три тысячи, подбросим до центра.

Сообразив, что над ним издеваются, водитель сбросил маску услужливого халдея. Под ней было привычное лицо быстро стареющего гопника с полукриминальным прошлым. Такие без последнего слова не уходят.

Встал перед тележкой, перекрыв дорогу:

– Самый умный, да?

Сильная неприязнь уступила место агрессивной ненависти.

– Отойди или задавлю! – прорычал я и резко двинулся вперед.

Таксист отскочил в сторону, чуть не сбив проходившую мимо даму с коляской. На прощанье размахнулся и что есть силы пнул лежавший на тележке чемодан. Тот свалился аккурат под ноги догнавшего нас господина Дадли. Англичанин споткнулся, перелетел через багаж и под испуганный крик Юли рухнул лицом вниз на пол аэропорта.

Таксист продемонстрировал неплохую для его возраста стартовую скорость и, ловко лавируя между пассажирами, рванул к выходу. Посмотрев ему вслед, я осознал, какой тяжелый выбор стоит перед полицейским, чей напарник был только что ранен. С трудом подавив желание броситься в погоню, склонился над господином Дадли, чтобы узнать, как он себя чувствует, и, если потребуется, предложить ему держаться.

Наш гость уже пришел в себя и ерзал ногами, пытаясь подняться. Вокруг, причитая, копошилась Юля.

– Опять повздорил с таксистом? – раздался сзади голос Григория.

Вместо ответа я предложил ему сосредоточиться на оказании первой помощи. Мы взяли пострадавшего за подмышки и осторожно потянули вверх. Приняв вертикальное положение, Роберт виновато улыбнулся:

– Друзья, простите ради бога мою неловкость! Не понимаю, как угораздило так глупо упасть!

По горящему взгляду Юли было ясно, что у нее никаких сомнений не было. Однако выдавать меня не стала и попыталась дело замять:

– Роберт, вы здесь совершенно ни при чем! Дима пытался объехать женщину с коляской, и чемодан случайно соскользнул на пол.

– Все ли в порядке с женщиной? Ребенок не пострадал? – взволнованно спросил он. – Им не нужна помощь?

– Не переживайте, с ними все хорошо! – успокоила его Юля. – Потерпевший только один. Как вы себя чувствуете?

Роберт подобрал слетевшие очки и вернул их на место. Потом осторожно приложил руку к щеке – под правым глазом была большая ссадина:

– Пустяки! До вашей свадьбы заживет!

Пока наш гость отряхивал одежду, я заметил, что на месте, с которого он только что поднялся, лежит какой-то маленький предмет. При ближайшем рассмотрении он оказался флешкой на 64 Гб.

– Возьмите. Обронили, наверное, – сказал я, протягивая найденный гаджет.

Роберт осмотрел флешку:

– У меня похожая штука в чемодане лежит. Эту никогда не видел.

– Популярная модель, – подошел поближе Григорий, – у меня дома точно такая же.

– Странно, что прямо под вами лежала, – удивился я.

– Наверное, кто-то выронил, – сказала Юля. – Надо сдать в комнату потерянных вещей.

– Пустая трата времени, – возразил Григорий. – Обронить можно где угодно. Никто и не подумает, что она тут валяется. Форматируй, и все 64 Гб твои.

Представить, что владелец флешки вернется за ней в аэропорт, действительно было сложно. Я предложил господину Дадли оставить ее себе в качестве компенсации за несчастный случай. Он вежливо отказался:

– Вам наверняка нужнее. К тому же, Дима, вы спасли женщину с ребенком. Пусть это будет маленькой наградой!

Я густо покраснел и спрятал флешку в карман.

– Не возражаешь? – Григорий мягко отодвинул меня от тележки.

– Надеюсь, на сегодня это последний подвиг? – грозно прошипела на ухо Юля.

Я попытался представить себя жертвой обстоятельств, но заинтересовать ее не смог: она отмахнулась и взяла Роберта под руку.

Через пять минут мы были в машине. Устроившись с гостем на заднем сиденье, Юля спросила, как прошел полет.

– Замечательно! – ответил господин Дадли. – Без опозданий и практически не трясло. Еда тоже ничего. Только вот... с напитками недоразумение вышло: не оказалось на борту томатного сока. Некоторые пассажиры были очень недовольны.

– Форменное безобразие! – согласилась Юля. – В самолетах только его и пьют. Без томатного сока разрешение на вылет давать нельзя.

– Вот и они о том же! Говорят, об отсутствии сока авиакомпания обязана оповещать заранее. Слава богу, проводники вошли в положение: принесли вторую порцию курицы и помидоры из бизнес-класса.

Юля рассмеялась, а господин Дадли на секунду задумался. Потом продолжил уже серьезно:

– И кстати, еще. Перед вылетом случилось одно странное происшествие. В моем ряду у окна сидел мужчина. Совершенно, знаете, обычный: джинсы, футболка, очки от солнца. На вид лет тридцать пять-сорок. Поздоровался со мной, когда садился. Я был с краю у прохода, а место между нами свободно. Так вот, проводники уже всех посчитали, встали в проходе. Начинают рассказывать, как правильно умирать, если будем падать. И вдруг впереди начинается какая-то суeta. Двери открываются – в салон заходят двое мужчин в костюмах. Очень похожие, только один чуть выше. Идут по проходу, останавливаются рядом со мной. Я подумал: опоздавшие, сядет сейчас кто-то посередине. Но нет! Смотрят на моего соседа, и тот, что повыше, говорит: «Господин Джонсон, пройдемте, пожалуйста, на выход». Тот поднялся, забрал сверху сумку и ушел вместе с ними. Не говоря ни слова!

– Неужели арестовали? – воскликнула Юля.

– Странно, что молчал, – подметил Григорий. – Спросил бы, в чем дело. Или кто такие для порядка.

– Наверное, знал, – предположил я. – Опасный человек, похоже, если с самолета сняли.

– Кто бы он ни был, в результате мне достались три свободных сиденья. Лично я ему за это очень благодарен! – подытожил с улыбкой господин Дадли.

Оставшаяся часть пути прошла без приключений. Жара наконец спала. Надвигавшиеся с запада серые тучи намекали, что к вечеру пойдет дождь. Юля рассказывала о работе, а господин Дадли делился воспоминаниями о последней поездке в Россию, пытаясь разглядеть что-то знакомое за окном. Подъехав к гостинице, мы пожелали Роберту хорошего отдыха и договорились встретиться следующим утром для прогулки по центру.

2

Теплые лучи августовского солнца разбудили меня около восьми. Приняв душ, я подумал, что осмотр достопримечательностей потребует много энергии, и отнесся к завтраку серьезнее, чем обычно. В расширенное меню, помимо кефира и банана, вошли яичница с помидорами и большая чашка растворимого кофе. Ровно в половине десятого я вышел из подъезда в готовности лицезреть любые красоты, не отвлекаясь на мысли о раннем обеде.

Гостиница «Виктория», в которой остановился господин Дадли, располагалась в Замоскворечье. Раньше слышать о ней мне не приходилось. Поиск жилья, достойного нашего гостя, взяла на себя Юлия. По ее словам, это был небольшой бутиковый отель с великолепным видом на реку и превосходным завтраком.

Многие считают, что появление интернета сделало процесс планирования путешествий более удобным. Возможно, так и есть, если речь идет об автомобильных маршрутах или покупке недорогих авиабилетов. Но поиск подходящей гостиницы, на мой взгляд, превратился в совершенно невыносимое занятие. Раньше требовалось знать только количество звезд и цену за номер. Даже у самых неторопливых и обстоятельных людей процесс выбора не мог занять больше пяти минут. Теперь же, благодаря потакающим людскому недоверию сайтам бронирования, мы по уши завязли в непроходимом болоте отзывов бывших постояльцев. Вернувшись из отпуска, эти люди не могут придумать ничего лучшего, чем строчить пространные эссе о том, насколько широко им улыбнулся ресепшионист гостиницы в момент их торжественного прибытия на отдых.

Подобрав отель, который кажется подходящим, вы с тревогой замечаете, что остановившейся в нем три года назад Мэри Эванс из Нью-Джерси пришлось мириться с тем, что на завтрак ей подложили холодный круассан вместо горячего и, более того, имели наглость за это не извиниться. Даже если температура хлебобулочных изделий не является для вас существенным фактором, закрадывается подозрение, что проблемы на этом не заканчиваются, и вы решаете поискать еще.

Обнаружив прекрасную гостиницу недалеко от центра с полноценным фитнес-клубом, вы уже видите себя плескающимся в бассейне после прогулки по старому городу. Соблазнительная мечта совсем рядом! Возбужденный курсор поднимается все выше и выше, лаская кнопку «Забронировать прямо сейчас», но в самый последний момент вы узнаете о существовании некоего Пако Гонсалеса из Валенсии, который однажды встретил в коридоре третьего этажа убегавшего в сторону пожарного выхода таракана. Если бы этаж был первым, вы бы, скорее всего, списали это на случайность, подумав, что рыжий бегун не является резидентом, а зашел по ошибке с улицы. Но зная, что тараканы обосновались наверху, вы с благодарностью помечаете отзыв Пако как полезный и возвращаетесь к списку из двухсот шестидесяти семи гостиниц, которые еще не посмотрели.

Потратив половину рабочего дня на чтение отзывов и дважды не успев закрыть браузер, когда сзади проходил начальник, вы начинаете нервничать: вместо пляжного заката на горизонте начинает светить строгий выговор. Чтобы завершить поиск, приходится идти на компромиссы: холодные круассаны уже не кажутся концом света, особенно если их запивать горячим кофе. Пробираясь обратно через гостиницы, где вай-фай работает только в лобби, шторы пропахли табаком, а тонкие стены позволяют слышать, что и как часто делают соседи по ночам, вы наконец отыщете свой первоначальный выбор и узнаете, что последний номер был забронирован ровно минуту назад.

Как полностью удержать себя от соблазна почитать отзывы, мне неизвестно. Сам я предпочитаю быть оптимистом: подбираю отель по картинкам и цене, а потом читаю восторженные

заметки тех, кто поставил ему самую высокую оценку. Недостатки, вскрытые другими, к моему приезду администрация вполне может устранить.

Приютившая Роберта гостиница снаружи выглядела скромно. От располагавшихся рядом офисных зданий ее отличали только вывеска на английском языке и маячившая за дверью фигура человека в старомодной фуражке.

Когда владельцы понимают, что возвели не «Ритц-Карлтон», а гостевой дом, который может похвастать только скудным баром и партнерством с ближайшей химчисткой, у них не остается другого выхода, кроме как назваться бутик-отелем. Определившись с позиционированием, многие на этом и останавливаются. По их мнению, маленький размер гостиницы сам по себе способствует созданию уютной атмосферы, которой так не хватает постояльцам пятизвездочных отелей. Некоторые, однако, идут дальше: заливают стены темно-бордовой краской и хитроумно расставляют зеркала в местах, где вы никогда не ожидали их увидеть.

Бутик-отель «Виктория», судя по всему, принадлежал к первой категории: его лобби по своей невыразительности ничуть не уступало фасаду. Господин Дадли и Юля уже поджидали меня на одном из диванов. За ночь под правым глазом нашего гостя появился внушительных размеров синяк.

– Доброе утро, Дмитрий! – приветствовал меня Роберт.

По широкой улыбке я понял, что имидж интеллигента, у которого в нужный момент не нашлось закурить, его совершенно не беспокоит.

– Очень больно?

– Ерунда! – успокоил меня Роберт. – Сказать по правде, мне даже нравится: вряд ли кто захочет связываться с обладателем такого фингала!

– Это точно! – засмеялась Юля. – Мужчин шрамы красят! Кстати, как вам гостиница? Говорят, здесь прекрасный вид на реку и отличные завтраки.

Господин Дадли согласился, что буфет отменный. Потом достал из рюкзака три мандарина и два пирожных, аккуратно завернутых в салфетку:

– Угощайтесь!

Я с удовольствием отметил, что еду с завтраков, вопреки популярному мнению, уносят не только россияне, и сказал, что обязательно съем мандарин позже.

– А вид на реку, к сожалению, не достался, – продолжил господин Дадли.

Юля вернула фрукт на стол и угрожающе посмотрела в сторону молодой девушки на ресепшн:

– Как не достался? Я два дня отзывы читала! Что эти люди себе позволяют?

Господин Дадли попросил ее не волноваться: в номере прямо над кроватью висел очень симпатичный речной пейзаж. Замена не показалась Юле адекватной – она вскочила с места и направилась в сторону администратора.

В течение следующих пяти минут оттуда доносились звуки разговора на повышенных тонах. Полностью диалог слышен не был, долетали только ключевые слова: река, обман, суд и TripAdvisor. В какой-то момент показалось, что Юля собирается перелезть через стойку и взять проблему распределения номеров в свои руки. Оставаться в стороне стало неудобно.

Заметив, что прибыло подкрепление, она возобновила атаку с удвоенной энергией:

– Девушка, у вас есть совесть? Вот наш гость! Посмотрите ему в лицо и объясните, почему вы его обманули!

– Этот мужчина из Англии? – спросила администратор, недоверчиво оглядывая господина Дадли. – А что у него с глазом?

– Я скажу, что у него с глазом! – вконец вышла из себя Юля. – Расшиб об окно, когда реку искал!

Потом пригрозила, что гостиница будет оплачивать медицинские расходы, если мы сейчас же не получим ключ от номера, в котором окна выходят туда, куда надо. Девушка еще раз

посмотрела на фингал, будто прикидывая, сколько стоит лечение подобной травмы, после чего попросила подождать и скрылась в помещении для персонала.

– Юля, не стоит так переживать, – сказал Роберт. – Комната меня полностью устраивает.

– Простите, что закатила скандал, но таких мошенников надо наказывать!

– Заодно посмотрим, как работает синяк, – добавил я.

Хотелось верить, что мой подарок, помимо боли, может принести и некоторые дивиденды. К счастью, так и случилось: девушка вынырнула из комнаты, где решалась судьба недовольных постояльцев, и сообщила, что Роберт сможет поменять номер на следующий день. Взамен требовалось не бить в окна головой и не выпрашивать деньги на лечение.

– Если будете писать отзыв, не забудьте упомянуть, как быстро мы решили вашу проблему, – прошептала она на прощанье.

– Нашу проблему?! Какая наглость! – возмутилась Юля по дороге к выходу. – Через две недели эти люди узнают о своей гостинице много нового!

– Дохлая крыса в коридоре? – предположил я.

Она хитро подмигнула:

– И живая – в номере!

Отвоевав комнату с видом, мы вышли к реке и, довольные собой, направились в сторону Москворецкого моста.

В тот день Григорий обещал присоединиться во второй половине дня: с утра доделывал что-то по работе. Как любой уважающий себя программист, мой друг трудится по свободному графику. На практике это означает, что застать его в офисе можно только во время обеда. Богатый шведский стол целиком и полностью оплачивает компания.

Человеку, далекому от высоких технологий, такая щедрость может показаться излишней. Объясняет ее удивительное открытие, сделанное ведущими экспертами Кремниевой долины. По словам Григория, исследования наглядно показали, что за всю историю IT-индустрии ни одна вразумительная строчка кода не была написана инженером, которому пришлось заплатить за обед самому. Более того, красота и надежность создаваемых приложений напрямую зависели от качества еды, съеденной во время работы. Эта информация разлетелась по интернет-сообществу со скоростью компьютерного вируса. Игроки побогаче стали нанимать мишленовских поваров, остальные – срочно оформлять контракты на кейтеринг. Те, кто не понял, что путь к мозгам инженера лежит через желудок, перестали получать резюме и быстро разорились.

Чтобы не ставить под сомнение результаты своей работы, коллеги Григория дружно заполняют кафетерий с часу до трех пополудни. Сам я наведываюсь туда в качестве гостя как минимум раз в неделю: других мест, где можно вкусно поесть, ничего не заплатив, найти попросту невозможно. За одним из таких обедов Григорий рассказал любопытную историю, которая произошла с его бывшим сослуживцем Тимофеем Мышкиным.

Вскоре после выхода на работу Тимофей сыграл свадьбу с девушкой, которая, помимо прочих достоинств, прекрасно готовила. Поначалу она была домохозяйкой, поэтому Тимофей имел возможность каждый день полноценно обедать у себя на кухне. Последний повод появляться в офисе пропал – и трудится, и питаться он стал удаленно. Карьере это не мешало. Григорий пересекался с ним на нескольких проектах и считал его одним из самых квалифицированных программистов. У начальства его деятельность нареканий тоже не вызывала.

Через год жена подыскала работу. Зная, что в офисе ждет бесплатный обед, муж отговаривать не стал. К тому же семейный доход обещал заметно подрасти. Посоветовавшись, Мышкины отважились на небольшой ремонт.

Чтобы не отвлекаться на шум стройки, Тимофей решил на время завязать с удаленкой. В день начала ремонта раздал инструкции рабочим и отправился по адресу, где уже год хра-

нилась его трудовая книжка. Безошибочный инстинкт айтишника привел его в офис как раз к открытию кафетерия.

После сытного обеда, когда инженерный состав разошелся по домам, Тимофей занял пустой стол и в спокойной обстановке приступил к работе. Через некоторое время из находившейся рядом переговорной комнаты вышел мужчина в пиджаке. Проходя мимо Тимофея, резко остановился.

– Ты кто такой? – спросил испуганным голосом.

– Тимофей.

– Что ты здесь делаешь?

– Работаю.

– Почему не из дома?

– Ремонт.

– Понятно! – облегченно выдохнул он. – Ты меня, братец, напугал. Думал охрану вызывать!

– Ничего, если тут посижу? – осторожно спросил Тимофей.

– Конечно, дружище, работай! – с энтузиазмом согласился менеджер. – Если честно, очень рад тебя видеть: финансист наш рвет и мечет! Говорит: «Кафетерий – оставить, остальное – сдать к чертовой матери в субаренду!» Из IT-компании ресторан хочет сделать, скупердый эдакий!

На следующий день менеджер уже не испугался: приветствовал Тимофея как старого приятеля и спросил, не разбирается ли он в вопросе кластеризации данных. Получив утвердительный ответ, пригласил на телефонный звонок с командой удаленных программистов, которые зашли в тупик с одной запутанной проблемой. Тимофей сходу в ней разобрался. В награду счастливый менеджер подкинул еще несколько горячих проектов.

Весь следующий месяц Тимофей трудился как никогда. Окрыленный доверием начальника, помимо собственных задач, исправлял чужие ошибки, давал консультации и пару раз участвовал в совещаниях руководства, где сделал несколько дельных комментариев. Менеджер был на седьмом небе.

Перед уходом на новогодние праздники он вызвал Тимофея в кабинет, чтобы сообщить об увеличении оклада и повышении до уровня ведущего программиста. Вручив бутылку шампанского, позвонил в отдел кадров.

– На кого подготовить документы? – переспросила девушка на другом конце.

– На Тимофея Мышкина, – повторил менеджер, включив громкую связь. – Ждет у меня в офисе.

После длительной паузы она вернулась:

– Простите, но у нас в компании Тимофей Мышкин не работает.

– Вы шутите? – изумился менеджер. – Это мой лучший сотрудник! Где он, по вашему, работает?

В отделе кадров ответа не знали и посоветовали обратиться напрямую к Тимофею: как лучший сотрудник, он наверняка что-то подскажет.

В ходе разбирательства выяснилось, что, пока Тимофей работал из дома, его компания переехала в другое здание. В уюте собственной квартиры эту новость он даже не заметил. Таким образом, последний месяц он работал удаленно на законного работодателя, а в офисе – на прямого конкурента, который въехал в то же помещение.

До обвинений в промышленном шпионаже дело не дошло, но цена ошибки оказалась высокой. Тимофея уволили с формулировкой «не видит ничего, кроме кода», а пригrevшего его менеджера – за некомпетентность. Руководство не могло понять, как он доверился программисту, который, вопреки всякой логике, весь день сидит на работе. Обе компании извлекли урок: всех сотрудников обязали обедать в офисе как минимум раз в неделю вне зави-

симости от того, насколько вкусно их кормят дома. Тимофей же, сохранив бутылку шампанского, как память об успешной, но очень короткой корпоративной карьере, перешел на фриланс и за полгода доделал ремонт своими руками.

Неспешная прогулка от гостиницы до Красной площади заняла полчаса. Пересекая Водоотводный канал, ненадолго остановились, чтобы сфотографироваться и посмотреть, как дела у проживающих под мостом замоскворецких уток. Понаблюдав за водоплавающими, господин Дадли сказал, что в Англии утки пожирнее, и хотел покрошить в воду оставшиеся с завтрака пирожные. Юля его остановила:

– Говорят, у них от хлеба живот вздуется!

Я был уверен, что это миф, но, чтобы не рисковать, мы с Юлей приняли удар на себя. Подкрепившись пирожными и мандаринами, легко преодолели Москворецкий мост и оказались у собора Василия Блаженного.

Вокруг самой фотогеничной достопримечательности Москвы как всегда толпилось множество людей. Размахивая палками для селфи, они стремились украсить архитектурный шедевр своей счастливой физиономией. Особо креативные (или голодные) фотографы снимались с открытым ртом, пытаясь откусить один из аппетитных куполов. Следовать их примеру не хотелось: мы с Юлей только что поели настоящих пирожных, а Роберт был слишком культурен, чтобы заниматься подобной ерундой. Сделав несколько простых снимков, мы вышли на Красную площадь и взяли курс на Мавзолей.

– Профессор Дадли? – неожиданно спросил кто-то на английском языке.

Я повернулся и увидел загорелого мужчину в шортах, футболке-поло и кроссовках без носков. Чуть выше среднего роста, спортивного телосложения, на вид лет сорок. Темные волосы были коротко подстрижены, а симпатичное волевое лицо выражало приятное удивление.

– Вы меня, наверное, не помните, – продолжил он. – Меня зовут Том Муди. Я как-то был на вашей лекции. Пару лет назад в Лондоне – о женщинах в русской литературе девятнадцатого века.

– Да-да, конечно... – По натужной улыбке Роберта было ясно, что мужчину он не узнал, но признаться не решался. Видимо, надеялся, что нужное воспоминание все-таки всплывет и поможет выбраться из неловкой ситуации.

– Вы мне книжку подписали, – подсказал Том.

Роберт понял, что знакомство было шапочным, и расслабился:

– Кажется, что-то припоминаю!

– Прекрасная была лекция, профессор! «Русские женщины – от “Сказки о рыбаке и рыбке” до “Преступления и наказания”». По-моему, так называлась.

– Точно так! – засмеялся Роберт. – Помню, досталось от жены за название: она у меня из России.

После этого представил нас с Юлей своему соотечественнику.

– Очень приятно познакомиться, – сказал Том по-русски с легким акцентом.

Заметив наше удивление, объяснил:

– Преподаю русский язык в университете Бирмингема. Сюда приехал на месяц по обмену с Московским лингвистическим университетом.

– Как вам Собор Василия Блаженного? – поддержала разговор Юля.

– Просто восхитительно! – ответил Том. – Не знаю, правда или нет: слышал, что архитектору выкололи глаза, чтобы не построил ничего лучше.

– Предлагали выкалывать и посетителям, – подмигнула Юля, – чтобы ничего красивее не нашли. Слава богу, царь вмешался: говорит, распугаем всех туристов!

– Пора уходить! – засмеялся Том. – У вас цари непредсказуемые. Как бы не передумали!

– Вы уже были в Кремле? – спросил господин Дадли.

Оказалось, что Том как раз туда и собирался. Недолго думая, Роберт пригласил его присоединиться, и мы направились в сторону Мавзолея уже вчетвером. Когда подошли поближе, я поинтересовался, не хотят ли англичане убедиться, что Ленин по-прежнему живее всех живых. Переглянувшись, они сказали, что верят мне на слово.

Если честно, ответ меня немного расстроил: проходя мимо Мавзолея, я всегда чувствую загадочное притяжение. Возможно, во мне говорит жалость к человеку, чье тело самовольно нарядили в парадный костюм, засунули под стекло и выставили на обозрение публики. Верные соратники с утратой смириться не смогли: сохранили вождя до лучших времен, надеясь, что когда-нибудь он воскреснет и снова укажет дорогу в светлое будущее. Сам Владимир Ильич как убежденный атеист наверняка понимал, что шансов на возвращение нет.

Со временем его приверженцы растеряли былую удачу, забыли о заветах и обросли жиром. А их кумир вместо символа надежды стал печальным экспонатом для бессрочного прощания. Обиднее всего, что от него отвернулся даже Голливуд. Год за годом он сдувает пыль с усохших мумий, когда в самом центре Москвы ждет звонка режиссера почти живой человек. Прирожденный лидер, готовый в любую секунду разбить саркофаг и послать несметные толпы рабочих и крестьян – а возможно, и роботов, пришедших им на смену, – прямо в логово зажавшихся лицемеров из свободного мира. Но даже такая карьера ему только снится.

Эти мысли, не желая прослыть латентным коммунистом, я оставил при себе. Мы прошли сквозь Александровский сад и проникли в сердце города через Троицкие ворота. Потом прогулялись около часа по территории Кремля, обсуждая висевшие в воздухе темы: почему пушка никогда не стреляла, колокол не звонил и сколько дадут на рынке за Большую императорскую корону. Когда экскурсия подходила к концу, господин Дадли остановился и поднял указательный палец с видом человека, сделавшего открытие:

– Друзья мои! Мне кажется, эти предметы взаимосвязаны! Подумайте сами: огромная пушка – что это, если не символ могучего оружия, призванного сдерживать врагов от необдуманных поступков? Царь-колокол – способ рассказать народу о грозящей опасности, а драгоценности Алмазного фонда – не что иное, как несметные богатства России, которые многие хотели бы украсть!

– Красивая теория! – согласился Том. – Многие годами бьются, пытаясь разгадать, что движет Россией. А ответ, получается, никто и не прятал!

– А главное, – добавила Юля, – и пушки, и колокола, и богатства по-прежнему в руках...

– Человека, которого никто не догонит? – догадался господин Дадли.

Напоминание о вчерашнем маскараде застало Юлю врасплох.

Я почувствовал, что ей нужна помощь, и сменил тему:

– Как насчет прогуляться в «Зарядье»? Историческую часть осмотрели, пора перейти к новостройкам.

– Прекрасная идея! – согласился Том. – Читал, что там сделали Россию в миниатюре.

У господина Дадли возражений не было. Мы вышли из Кремля и направились обратно к Васильевскому спуску.

Некоторые считают, что размер волнует большинство женщин, другие уверены, что нет; третьи утверждают, что волнение есть у всех, но боязнь спугнуть мужчину с очень длинным списком других достоинств мешает в этом признаться. Даже опросив всех женщин на планете, я думаю, докопаться до истины было бы сложно: задав тот же вопрос следующим утром, мы, скорее всего, увидим совершенно другие результаты.

Однако, просканировав головы россиян в любой день с понедельника по воскресенье, исследователь без труда наткнется на комплект счастливых мыслей о том, что проживаем мы не в каком-нибудь захолустье, а в самой большой стране мира. По соседству с мыслями находится сенсор, распознающий людей, которые не знают истинных размеров России или по какой-то

причине их недооценивают. Получив от него тревожный сигнал, мы раскрашиваем скучный статистический факт ярким красками сравнений и метафор, способными объяснить, что к чему, даже самому тупому иностранцу, столь любимому российскими юмористами.

В ход идут часовые пояса, время до Владивостока на самолете, поезде и пешком, а также температура в Оймяконе, степь, тундра, тайга и белые медведи. Если собеседником является самодовольный американец, допустимо снисходительное упоминание Аляски с последующей паузой, во время которой он сможет перевести дух и поблагодарить бога, что хотя бы с этим пронесло. Что делать с бескрайними просторами, мы пока не решили, но сам факт их наличия внушает оптимизм и уверенность если не в завтрашнем, то уж точно в послезавтрашнем дне.

Во время совещания по поводу пустыря, оставшегося после сноса гостиницы «Россия», тревожный сенсор размера зазвенел и засверкал, как пожарная машина. Ответом на вызов стало решение разбить парк. Не простой, а со смыслом: способный рассказать отдыхающим о количестве природных зон в нашей стране, а заодно – о многообразии произрастающей там флоры. Утвердив лейтмотив, по всему свету разослали гонцов на сбор мхов и лишайников, а также растений, о которых не слышал никто, кроме непьющих лесников и потомственных биологов.

Ползучая живучка, живородящий горец, кожевенная скумпия и гребенчатый тонконог на всех парах устремились в Москву, чтобы представиться жителям столицы и многочисленным туристам. К сожалению, имена растений оказались слишком похожи на героев второсортных ужастиков. Испугавшись биологической атаки, недоверчивые москвичи передавали половину гостей в первую неделю работы парка. Руководству пришлось вмешаться и заверить жителей, что пришельцы прибыли с мирными намерениями. Никто из них не был замечен в компрометирующих связях с главным террористом центрального региона – борщевиком из запрещенного в России отряда зонтичных.

В ответ жители поинтересовались, почему Америка давно разобралась с Усамой бен Ладеном, а борщевик до сих пор на свободе. Более того, даже не прячется: повсеместно открывает новые ячейки и грозит стать первым губернатором Подмосковья от партии Зеленых. Обеспокоенные граждане потребовали жестких гарантий, что заселившиеся в парк «Зарядье» мигранты не попадут под его влияние.

Чтобы уладить конфликт, представителям мэрии пришлось признать, что определенный риск есть, но он минимален: в проект были заложены самые строгие меры безопасности. По периметру парка установили полицейские посты, призванные пресекать неоднозначные движения ползучей живучки и ее друзей. А переход в южную часть города с целью атаки Замоскворечья блокировал мост, который по совместной рекомендации ФСБ и Министерства сельского хозяйства коварно заканчивался посередине реки. Услышав, что в дело вовлечено ФСБ, москвичи наконец расслабились и выстроились в очередь, чтобы дать новым соседям второй шанс.

Я надеялся, что к моменту нашего визита премьерный ажиотаж спадет, но народу по-прежнему было много. Мы побродили по узким дорожкам, пытаясь разобраться в природных зонах, но быстро сдались: большинство растений выглядели так, как будто мы пришли их осмотреть лет на десять раньше, чем они ожидали. Том призвал завязать с ботаникой и подняться на главную достопримечательность – парящий над рекой мост. К нему шла длинная очередь.

Через полчаса, отвоевав место для фотосессии у группы назойливых китайских туристов, мы достали телефоны и сделали несколько панорамных снимков. Потом я сфотографировал господина Дадли с Юлей для будущего семейного альбома.

– Давайте вас втроем сфотографирую, – предложил Том.

Мы с удовольствием согласились. Господин Дадли передал ему свой телефон.

– Подержать рюкзаки, чтобы не мешал? – спросил Том с улыбкой.

Роберт сдал багаж и занял место посередине. Том сделал шаг назад, чтобы подобрать оптимальный ракурс. Что-то не устроило – он отодвинулся еще на пару метров. В этот момент в нарушение всяческой этики между нами протиснулась новая группа китайцев. Дождавшись, пока они исчезнут, я вернул на лицо фотогеничную улыбку, но с удивлением обнаружил, что Тома перед нами не было.

– Где же фотограф? – задалась тем же вопросом Юля.

– Том? – огляделся по сторонам господин Дадли.

Не получив ответа, схватился за перила и посмотрел вниз, желая убедиться, что невоспитанные туристы не столкнули его за борт. В воде, слава богу, никого не было.

– Куда можно пропасть с моста? – спросил Роберт в полном изумлении.

– Вариантов немного, – подсказала Юля, – прыгнуть вниз или спуститься на берег.

Я посмотрел на противоположную сторону V-образной конструкции, по которой люди возвращались в парк. В медленном потоке туристов заметил голову человека, стремительно двигавшегося к выходу:

– Он убегает!

Роберт в недоумении открыл рот:

– От нас?

От кого и почему убегал Том, оставалось загадкой, однако в одном сомнений не было: вместе с ним от нас с каждой секундой отдалялись телефон и рюкзак господина Дадли. Оставив рассуждения на потом, я бросился в погоню. В школьные годы неплохо бегал стометровку, но в плотной толпе хорошо разогнаться было невозможно. К счастью, движение по мосту было односторонним, позволяя делать обгоны без риска лобового столкновения.

Добравшись до твердой земли, вынырнул из толпы и почти сразу заметил фигуру Тома: он шел пружинящим спортивным шагом по направлению к восточной границе парка. Рюкзак господина Дадли висел за спиной, видимо, и не заметив смены хозяина. Я ускорился и быстро сократил разрыв до пары десятков метров. Как назло, в этот момент беглец обернулся. Заметив меня, размахнулся и бросил какой-то предмет в направлении зеленой лужайки справа от дороги. После этого сорвался с места, как опытный спринтер. На секунду я замешкался: выкинул что-то ценное или сделал отвлекающий маневр? Возможно, на эту паузу он и рассчитывал: спина англичанина быстро удалялась. Я что есть сил бросился за ним, но скорости не хватало – Том стремительно приближался к забору.

Ближайший выход представлял собой дырку между двумя переносными оградами, но имел официальный статус: неподалеку стоял мужчина в униформе.

– Остановите этого человека! – закричал я, стараясь привлечь его внимание.

Крик напугал гуляющих, но до охранника не долетел. Я набрал полную грудь воздуха и повторил:

– Закройте выход!

– Закройте выход! – подхватили несколько равнодушных прохожих.

Охранник растерянно огляделся по сторонам, пытаясь сообразить, что происходит. Потом поднял переносную ограду и поставил на место, где только что был проход. Последним человеком, которому удалось покинуть парк до закрытия, разумеется, оказался Том.

– Откройте, он убегает! – попросил я, с трудом переводя дух.

Охранник достал из кармана пачку сигарет:

– Кто?

– Вор убегает!

Он щелкнул зажигалкой и смачно затянулся:

– Вы, молодой человек, меня не впутывайте. Может, это вы вор. Я откуда знаю? Может, это вас выпускать не надо.

– Это я просил выход закрыть!

– Тем более. Скажите спасибо и идите своей дорогой!

Его спокойствие вывело меня из себя:

– Нет времени спорить! Я преследую преступника!

– Ксива есть? – строго спросил он.

Пришлось признать, что нет. Охранник махнул рукой:

– Ищите другой выход.

– Послушайте, – не сдавался я, – вы же закрыли проход по моей просьбе, почему не можете открыть?

– Закрыть – это вопрос безопасности, – со знанием дела объяснил он. – А открыть – это, знаете, совершенно другая история. Тут распоряжение начальства нужно.

Уговаривать дальше, вызывая к логике, было бесполезно.

– Перелезть можно? – схватился я за последнюю соломинку.

– По правилам – нельзя! – строго сказал охранник.

Потом смерил меня с головы до ног. Решив, что на преступника не тяну, смягчился:

– Если совсем невтерпеж, валяйте. Только от поста отойдите. Здесь полезете, задержу за нарушение общественного порядка!

Я отбежал метров на двадцать и перескочил через ограду. Особых надежд обнаружить Тома уже не было: на препирания с охранником ушло слишком много времени. Тем не менее, оказавшись за пределами парка, тщательно осмотрел окрестности. Потом перешел на другую сторону улицы и спустился к набережной. Все напрасно: беглец исчез без следа. Не имея ни малейшего понятия, в какую сторону он побегал, я с тяжелым сердцем признал поражение и вернулся к пропускному пункту.

Охранник разговаривал с кем-то по рации:

– То есть открываю?

– Да, ложная тревога, – прохрипел чей-то голос на другой стороне. – Но смотри там, повнимательнее!

– Мимо меня никто не проползет, – пообещал охранник и открыл проход.

По последней фразе я понял, что вернуться в парк через этот пост, скорее всего, не выйдет. Так и оказалось: в ответ услышал, что здесь выход, а не вход. Правило распространялось на всех, включая частных детективов, недавно покинувших «Зарядье» через забор.

Пришлось возвращаться по периметру к Васильевскому спуску. По пути позвонил Юле, чтобы рассказать о последних событиях и описать место, куда приземлился предмет, от которого избавился Том. К моему приходу они обыскали лужайку и нашли телефон Роберта. К счастью, упав на мягкий газон, аппарат не пострадал.

– Очень странно, – удивилась Юля. – Взять рюкзак и выбросить телефон?

– Возможно, уже есть, – сказал я. – У кого сейчас нет телефона?

– Мой хороший, – обиделся Роберт. – И практически новый: жена на Рождество подарила! Почему не взять? Для второй сим-карты, к примеру, или как плеер использовать.

– Если есть зарядка большой емкости, – подумал я вслух, – без второго можно обойтись.

– Что за чушь?! – оборвала меня Юля. – Новый телефон пригодится любому. А особенно тем, кто ворует в парке рюкзаки! Самому не нужен – продай или подари другу. Отдай на благотворительность для искупления грехов. Все лучше, чем тупо вернуть владельцу!

– Это верно, – признал я. – Возвращать совсем позорно. Тогда не знаю... Может, ему нужен только рюкзак?

Она посмотрела на меня, как Шерлок Холмс на доктора Ватсона:

– Специализация такая? Берет только рюкзаки? Ты еще скажи, в поход собрался и вещи некуда положить!

– Почему только рюкзаки? Сумки, портфели... чемоданы, может быть, если ситуация позволяет, – пояснил я. – Каждый вор хорош в чем-то одном. Кто по карманам шарит, кто машины ворует, а этот – контейнеры для переноски вещей.

– Возможно, Дима прав, – поддержал меня Роберт. – Одет был по-спортивному, чтобы легче убежать.

– Тем не менее почти догнал! – вставил я, переживая, что героические усилия остались незамеченными.

– Жаль, у него не было чемодана, – похлопала меня по плечу Юля.

Я сделал вид, что не заметил сарказма, и повернулся к господину Дадли:

– Кстати, Роберт, что было в рюкзаке?

Он небрежно махнул рукой:

– Практически ничего. Бутылка воды без газа, рублей тысячи три и двадцать фунтов. И небольшой путеводитель по Москве.

– Документы и кредитки?

– В гостинице оставил.

– Хорошо, что пирожные доели, – улыбнулась Юля. – Отметить ограбление не выйдет.

– Что будем делать? – спросил я. – Наверное, на сегодня с достопримечательностями все?

– Надо срочно поставить в известность местную полицию, – решительно заявил господин Дадли.

– Вряд ли их заинтересует кража полупустого рюкзака, – усомнился я. – Купим завтра новый.

– Что вы, Дима! Я не о себе беспокоюсь! Мы должны сообщить, что в центре Москвы орудует опасный мошенник. Если будем молчать, его никогда не поймают!

Я хотел объяснить, что его не поймают не потому, что мы будем молчать, а потому, что его никто не будет ловить, но заметил красноречивый взгляд Юли и закрыл рот. По сути Роберт был прав: рассказать полиции о любом, даже самом мелком, преступлении – гражданский долг каждого порядочного человека.

Через пару минут мы подошли к выходу, у которого стоял уже знакомый мне охранник.

– Ну что, детектив, поймал вора? – спросил он. Потом посмотрел на фингал Роберта и уважительно добавил: – Хорошо заехал! Признаюсь, думал, ты только в беге с барьерами силен. Вызвать полицию?

Отказываться от славы не хотелось, но выставить господина Дадли преступником было негоже. Я пояснил, что он является жертвой орудующего в парке мошенника.

– Будем признательны, если позвоните в полицию, – добавила Юля.

Тот чуть подумал, потом отрицательно покачал головой.

– Вы же сами только что предложили! – изумился я. – Разве пострадавший не может вызвать наряд?

– Если с вами преступник, это вопрос безопасности, – терпеливо объяснил охранник, – а если жертва, это, знаете, совершенно другая история. Жертва сама в полицию прийти может.

Потом еще раз посмотрел на синяк, сочувственно вздохнул и дал адрес ближайшего отделения.

По дороге в участок позвонил Григорий. От окончания офисного обеда его отделяли только чашка эспresso и кусок черничного пирога. На этом рабочий день он планировал завершить. Услышав новости, сказал, что нас ни на секунду нельзя оставить без присмотра, и обещал прибыть на помощь как можно быстрее.

На входе в отделение мы сказали сидевшему в будке полицейскому, что спешим доложить о только что совершенном преступлении. Получили в ответ молчаливый кивок и зашли внутрь. Как выяснилось, торопиться не стоило: следующие полчаса мы провели в очереди, наблюдая,

как очень расстроенный мужчина по имени Николай пытался привлечь силы правопорядка к решению ситуации, в которой оказался по собственному недосмотру.

Из его беседы с дежурным полицейским мы узнали, что пару дней назад он устроил в своей квартире генеральную уборку. В процессе, как часто бывает, нашел множество вещей, в которых больше не нуждался. Понимая, что в подъезде живут люди разного достатка, Николай отобрал предметы, чье время еще не пришло, и отнес на первый этаж. Там аккуратно разложил на столике у двери.

В соответствии со списком, который он зачитал офицеру полиции, вниманию соседей предлагались сборник русской поэзии серебряного века в пяти томах, практически новый шерстяной пиджак пятьдесят второго размера, четыре футболки без глупых надписей, дыр и пожелтений под мышками, DVD с третьим сезоном сериала «Остаться в живых», подставка под новогоднюю елку, несколько виниловых пластинок с детскими сказками и чайник, который прекрасно кипятил воду, но не всегда отключался сам. Завершала список коробка с новыми итальянскими ботинками. Жирный красный фломастер подчеркивал факт, что она была оставлена внизу по ошибке.

– Поверьте, я эти ботинки ни разу не надевал! – объяснил он. – Только примерил, как из магазина вернулся. В них даже картонки остались: знаете, кладут такие, чтобы обувь форму не теряла.

Из дальнейшего рассказа мы узнали, что ботинок он хватился примерно через полчаса: в похожей коробке рядом с дверью остался лежать прибор для выжигания по дереву, от которого он давно хотел избавиться. Николай тут же спустился на первый этаж и обомлел: все подарки были разобраны. Понимая, что статус владельца ботинок с каждой минутой будет становиться все более эфемерным, бросился обзванивать соседей, чтобы извиниться за ложную надежду и потребовать обувь назад.

– Я сразу заподозрил, что это Петухов из пятнадцатой! – сообщил Николай полицейскому. – Дверь открывает – глаза по углам бегают! А ноги – в носках, но без тапочек!

– Вы видели, что гражданин Петухов взял ваши ботинки? – По голосу полицейского было понятно, что представленные улики не выглядят слишком убедительно.

– Как брал, не видел, – честно признал Николай. Сделал небольшую паузу и смачно выложил главного козыря: – Но я видел, что он их носит!

Событием, лишившим Петухова звания добропорядочного соседа, стала встреча во дворе дома на следующий день.

– Со спины его увидел! – начал отчет Николай. – Думаю, как бы то ни было, надо поздороваться. Только смотрю: ускоряться начал. Я за ним. Кричу: «Доброе утро, сосед!» Он в ответ ничего не говорит, даже не оборачивается! А идет быстро, спортивной ходьбой практически! Тут мне совсем обидно стало. Во-первых, знаете, подозрения мучают насчет обуви пропавшей, а во-вторых, это как понимать вообще: ты здороваешься, а от тебя убегает человек? Догнал его в результате у подворотни. Говорю: «Давай посмотрим, что у тебя за сапоги-скороходы такие, что соседу “привет” сказать не можешь». У него глаза опять забегали! «Я вам, – говорит, – не обязан обувь предъявлять. Это моя частная собственность». А на ногах – мои ботинки. Еще и кремом намазаны, аж сверкают мне в лицо! Тут я совсем в нем разочаровался, но вида не подаю. Говорю спокойно: «Дай один померить. Если не подойдет, верну с извинениями». Он в отказ и пятится от меня в подворотню. Оттуда выходит как раз старшая по подъезду – Софья Петровна с третьего этажа. Он, как ее увидел, сразу встрепенулся и давай сказки рассказывать – лживая морда такая! – грабят его, мол, среди бела дня и заставляют голым под окнами гулять. Как будто, знаете, я не на свои ботинки претендую, а на весь его гардероб паршивый, до которого мне и дела нет никакого!

Пока Николай излагал Софье Петровне свою версию конфликта, гражданин Петухов улучил момент и незаметно удалился. Вернувшись вечером домой, Николай нашел в двери

записку с требованием прекратить домогательства. В случае невыполнения обиженный сосед грозил вызвать полицию. Николай немедленно отправился в пятнадцатую квартиру, чтобы продолжить диалог лицом к лицу. Дверь ему не открыли, хотя он готов был поклясться, что внутри кто-то есть. Не желая оставлять последнее слово за Петуховым, написал ответное письмо, в котором потребовал вернуть ботинки до десяти часов утра. Пригрозил повесткой в суд и скорым переездом в места, где в итальянской обуви никто не ходит.

– Это ж какую наглость надо иметь, чтобы мои ботинки украсть и мне же полицией угрожать? – спросил Николай, передавая дежурному полученную от соседа записку.

В этот момент открылась входная дверь. В комнату вошел Григорий, за ним – кто-то еще. Не успели мы поприветствовать нашего друга, как по всему участку разлетелся отчаянный крик Николая:

– Это он! И ботинки на нем! Арестуйте его немедленно!

Лысоватый мужчина пухлого телосложения испуганно застыл в дверях, как будто по ошибке зашел в клетку с тигром. Руки зависли перед туловищем в оборонительной позе, рот – полуоткрыт. Легкое движение наблюдалось только в районе выпученных глаз, которые постепенно открывались все шире и шире. Потом пришел в себя, резко развернулся и с криком «Спасите!» покинул учреждение, созданное специально, чтобы помогать людям в подобных ситуациях.

– В этот раз не уйдет! – пообещал Николай и во весь опор рванул вслед за ним.

– Весело тут у вас, – проводил его взглядом Григорий.

Сам я с трудом устоял на месте: очень хотелось выбежать на улицу и увидеть развязку. Однако подошла наша очередь. Мы заняли место у окошка и поздоровались с дежурным. Висевшая на груди карточка говорила, что перед нами сидит капитан полиции Александр Каралов.

– Что у вас? – спросил он, складывая в папку полученные от Николая документы.

Узнав, что речь идет о краже рюкзака в общественном месте, выдал листок бумаги и попросил описать детали происшествия. Пока господин Дадли переносил наши приключения на бумагу, полицейский подкрепился шоколадным батончиком и запил его стаканом кефира из стоявшего неподалеку холодильника.

– Кражу совершил иностранный гражданин? – спросил он, просматривая заявление.

– Здесь имя, которое он назвал, – пояснил Роберт. – Не знаю, настоящее или нет. Сказал, что приехал из Англии.

Капитан повернулся к своему помощнику:

– Слышь, Сергеич, до чего англичане докатились. Рюкзаки в Москве воруют!

Тот покачал головой:

– Совсем обмелъчали.

– Хорошо, что не в трамвае по карманам! – засмеялся капитан. Потом вернулся к нам: – Профессором, значит, представился?

Роберт кивнул головой.

– Хороший способ войти в доверие. Вы, как понимаю, тоже не местный?

– В гости к нам приехал, тоже из Англии, – пояснила Юлия.

– В гости – это хорошо... – пробормотал под нос полицейский. – А что у нас с ущербом? А, вижу: три тысячи рублей и двадцать фунтов. Это для вас значительная сумма?

– Нельзя говорить, что незначительная, – шепнул Григорий, – искать не будут.

– Очень даже значительная, – услышал подсказку Роберт.

Для убедительности добавил, что на эти средства у него были большие планы, которым теперь не суждено осуществиться.

– Большие планы на три тысячи? – почесал затылок дежурный. – Что у вас там в Англии происходит?

– Брексит у них, – помог Григорий.

– А-а-а, точно! – громко рассмеялся капитан. – Слышали, знаем. Не думал, правда, что до нашего участка доберется.

– Глобализация, – объяснил Григорий.

– Будь она неладна! – согласился полицейский. Потом сочувственно посмотрел на господина Дадли: – Держитесь там, всякое бывает.

Дочитав заявление до конца, поставил штамп и пообещал передать дело сотрудникам оперативного отдела.

– Значит, будут искать! – обрадовался Роберт.

– Чем-то еще можем помочь? – спросила Юля. – Фоторобот сделать.

Капитан посмотрел на нее с интересом:

– Вполне возможно. Оперативники свяжутся, когда с делом ознакомятся.

– Или нарисовать с художником портрет? Мы его очень хорошо запомнили!

– И портрет нарисуют, если понадобится.

– Еще есть телефон, который выкинул Том, – напомнила она. – На нем должны быть отпечатки!

Полицейский похвалил ход мысли, но приобщить к делу телефон отказался. Сказал, что поймать преступника он не поможет.

– По камерам наблюдения искать будут? – не унималась Юля.

Капитан подлил в стакан кефира:

– Обязательно! И по камерам, и по спутниковым снимкам.

Поблагодарив полицейского, мы развернулись и с сознанием выполненного долга направились к выходу. Закрывая дверь участка, я услышал строгий приказ капитана Караулова:

– Сергеич, включай спутник – рюкзак уходит! Насмотрелись сериалов, едрить твою мать...

3

Следующий день в нашем плане был отведен под посещение Бородинской панорамы. После неприятного происшествия в «Зарядье» осмотр маленького симпатичного музея казался идеальным способом расслабиться и вернуть приятное расположение духа. Чтобы не стоять в пробках, Григорий предложил отправиться туда на метро. Мы с Юлей предпочли комфорт скорости и проголосовали против. Господин Дадли скромно воздержался. По законам демократии все уселись в мою машину – не такую просторную, но с работающим кондиционером. Путешествие из гостиницы до музея не должно было занять много времени. Однако, прокатившись с ветерком по улицам Замоскворечья, мы уперлись в длинную очередь желающих перебраться на другой берег реки.

Поездка по Москве на машине – это прекрасный способ перебраться в другую часть города, если время прибытия к цели не имеет для вас никакого значения. Хотя эта неопределенность и раздражает московских автовладельцев, она никоим образом не мешает им ежедневно садиться за руль, чтобы лично поучаствовать в очередном транспортном коллапсе.

Прочитав в школе повесть Короленко «Дети подземелья» и проплакав до утра над трагической судьбой девочки Маруси, москвичи твердо уяснили, что единственный шанс выжить в каменных джунглях – это как можно быстрее выбраться из подземки и пересестись в салон собственного автомобиля. Подогнав кресло под складки туловища и установив климат-контроль на комфортную температуру, они мертвой хваткой вцепляются в руль, готовые умереть, нежели отправиться обратно в подземную страну лузеров и пенсионеров.

Надо признать, что для такой реакции есть все основания. Темные силы зла, захватившие транспортный департамент мэрии, объявили своей миссией подготовку города к концу света и прибытию четырех всадников апокалипсиса, которые, по последним данным, пересели с лошадей на велосипеды.

Чтобы обеспечить достойный прием двухколесной делегации, мэрия объявила войну автомобилям в надежде сослать их владельцев в метро. Деньги, полученные через транспортный налог, коварно пустили на строительство велодорожек. А когда налогов стало не хватать, город обложили платными парковками и обвешали, как новогоднюю елку, камерами для фиксации нарушений. Поистине дьявольская хитрость заключалась в том, чтобы сделать город непригодным для личного транспорта за счет самих же автовладельцев.

За большими проектами градоначальники не забывали о мелких пакостях, призванных нанести моральных ущерб и унижить противника. Одну полосу движения нагло отобрали в пользу общественного транспорта. Мотоциклистов отправили в междурядье сбивать зеркала стоящих в пробке машин. Водителей поливалок попросили мыть асфальт в любую погоду, выстраиваясь в шеренгу и не давая ни малейшего шанса себя обогнать. Снегоуборщикам дополнительных инструкций не понадобилось: они давно знают, что мужчинам их профессии в критические дни лучше остаться дома.

Однако москвичи не были бы москвичами, если бы сдались без боя. Загрузив в телефон приложение для оплаты парковки, они стойко плелись за поливалками, пропускали мотоциклистов и съезжали на полосу общественного транспорта только через прерывистую линию для поворота направо.

Видя, что дороги по-прежнему загружены, мэрия перестала миндальничать: попросила строителей завязать с точечным ремонтом и перерыть к чертовой матери весь город. На следующий день значительная часть населения среднеазиатских республик переехала в Москву. Вооружившись инструментами для разрушения асфальта, они начали весело стучать по дорогам, строя Москву, удобную для жизни, и радуя семью регулярными денежными переводами.

К счастью, информация о конце света пока не подтвердилась: ни всадников, ни велосипедистов из потустороннего мира в столице замечено не было. Однако мэрия не теряет надежды их увидеть и уже несколько лет держит город в перекопанном состоянии. Даже если посланники ада не смогут с комфортом прокатиться на велике, они как минимум почувствуют себя как дома.

Мой университетский приятель Виталий стал одной из первых жертв московского апокалиптического урбанизма. Пробки он не переносил на дух: каждое утро вместо прогноза погоды проверял дорожную ситуацию, чтобы сберечь время и нервы.

Старт программы благоустройства превратил разумную привычку в навязчивую потребность. Находясь за рулем, Виталий ни на секунду не оставлял в покое телефон, требуя от сервисов навигации оправдать свое предназначение и проложить путь в объезд пробок. Услышав сообщение «Обнаружен более быстрый маршрут», он без колебаний принимал предложение девушки-робота и крутил руль в сторону обещанного счастья. Попав в ловушку, снова и снова перестраивал маршрут, проклиная женщин, искусственный интеллект, дорожных рабочих и водителей, которым приспичило выбрать ту же дорогу.

Злоупотребление телефоном не могло пройти безнаказанно: в один прекрасный день мой приятель загляделся и не успел затормозить перед зоной ремонта. Ответственность за аварию возложил на рабочих и, отправив машину в сервис, решил нанести ответный удар.

Мама Виталия была учительницей химии. Когда-то давно в качестве забавного эксперимента она показала ему, как за пять минут сделать дымовую шашку из газеты и куска хозяйственного мыла. Набив карманы самодельной пиротехникой, он вышел на улицу, чтобы собственноручно положить конец творящемуся беспределу.

Тактика была простой, но эффективной: подойдя к раскопкам, он поджигал бумажный ком и с криком: «Граната! Ложись!» – бросал в место скопления противника. После этого с удовольствием наблюдал, как оранжевые жилеты бросали технику и в панике разбегались из траншей. Через несколько дней новости о диверсиях просочились в СМИ – полиция возбудила дело. Возмущенные прорабы пошли дальше: пообещали закатать террориста в бетон и уложить в фундамент обновленной Москвы.

Спас от неминуемого возмездия звонок из автосервиса. К сожалению, возвращение за руль облегчения не принесло: Виталий свалился в полную безысходность. В технологиях разочаровался: снес навигаторы и решил полагаться только на то, что видит собственными глазами. Заметив затор, матерился, как отставной прапорщик, и сворачивал в первый попавшийся переулок в поисках объезда. Наткнувшись на новое препятствие, упрямо повторял маневр, удаляясь все дальше и дальше от цели. Однажды, пытаясь проехать с Тверской в Сокольники, он умудрился за два часа хаотических перемещений попасть в пробку на въезд в город по Варшавскому шоссе.

После этого жена Виталия забила тревогу: угрожая разводом, отправила на медицинское обследование. Тесты выявили не встречавшееся ранее психическое расстройство, которое предварительно назвали острой прогрессирующей пробкофобией. В качестве лечения прописали неделю в стационаре. По выписке – продать машину и пересесть на мотоцикл.

Заехав в больницу, я нашел своего друга в состоянии беспокойного сна. Напичканный таблетками, он ворочался с бока на бок и что-то бормотал. Разобрать удалось только предупреждение о десяти баллах на МКАДе и одну часто повторяющуюся фразу: «Боже мой, зачем? Зачем весь город сразу?»

Эта история прилась как нельзя кстати, пока мы стояли в пробке на Большом Каменном мосту.

- Отошел в результате? – поинтересовался господин Дадли.
- Когда пересел на мотоцикл, легчало. Но сейчас снова в больнице: ногу сломал.
- То одно, то другое! – вздохнула Юлия.

– На трамвайных путях поскользнулся, – объяснил я.

– После дождя – как лед, – заметил Григорий.

– Вот и он о том же! Говорит, мэрия специально рельсы поливает, чтобы мотоциклисты падали. В общем, жена боится рецидива.

– Пока окончательно не свихнулся, надо возвращаться в метро, – посоветовал Григорий. – И нам бы туда – для профилактики.

К счастью, после моста поток пошел живее. Забыв о пробках, мы переключились на культурную программу.

– Значит, сегодня погружаемся в историю? – спросил господин Дадли, после чего процитировал начальные строчки знаменитого стихотворения Лермонтова.

Юля похвалила его за отличную подготовку. Сама она в Бородинской панораме была только один раз на экскурсии, организованной школьным учителем. Единственным воспоминанием было то, как одноклассники носились друг за другом по кругу с криками: «Постойка, брат мусью».

– История всегда была любимым предметом, – с ностальгией в голосе поделилась она. – Не надо ни считать, ни чертить, ни правила учить. Читай себе и пересказывай – сплошное удовольствие!

– Чистой воды лженаука, – скривился Григорий, – почище астрологии будет. Те хоть людей развлекают, а историки – просто ангажированные лицемеры. Что вчера произошло, никто понять не может, а эти шарлатаны, обсуждают с умным видом, кто там, что и почему в пятнадцатом веке сделал.

Скептическое отношение Григория к науке о прошлом проявилось не вчера. В юности он попал в книгу рекордов школы как автор самого короткого сочинения в ее истории. Получив задание написать эссе на тему «Иван Грозный – тиран или реформатор?», он потратил на поиск ответа без малого три четверти часа. Перед самым звонком вывел под заголовком одну короткую, но емкую фразу – «Я не знаю». Ни искренность, ни лаконичность преподаватели не оценили. После родительского собрания Григорий окончательно потерял интерес к гуманитарным дисциплинам и сделал выбор в пользу точных наук.

– Говорят, кто не знает прошлого, не имеет будущего, – философски заметил господин Дадли.

– Они же и говорят: цену себе набивают, – продолжил наезд на историков Григорий. – Мало того, что не знают ни черта, еще и предлагают из этой ахинеи уроки на будущее извлекать. И все им поддакивают, как идиоты.

– Какие-то вещи наверняка остаются неизменными, – осторожно возразила Юля.

– Какое это имеет значение, если вокруг все поменялось? Как можно ожидать, что результат от действий будет прежним, если контекст другой? Это же просто бред какой-то! Если завтра французы нападут, опять им Москву отдавать, что ли? Или больше не полезут, потому что двести лет назад задницы тут отморозили?

– А если бы через пару лет напали? – засмеялся Роберт. – Пригодилась бы информация?

– В таком случае, пожалуй, да, – нехотя признал Григорий.

После небольшого раздумья проявил объективность и согласился увеличить срок службы исторических фактов до десяти лет.

Вскоре справа от нас показалось здание Бородинской панорамы. Парковочное место нашлось неподалеку. Оплатив аренду городского асфальта через мобильное приложение, мы бодро направились к центральному входу.

Как только зашли в музей, я понял, что одной картиной дело не ограничится: путь к панораме пролегал через залы с полотнами стандартного размера и предметами обихода. Вдоль стен стояли фигуры солдат в полном обмундировании. Мы осмотрели экспозицию, пытаясь про-

никнуться духом эпохи и запомнить ключевые факты о сражении, его предыстории и последствиях.

К сожалению, использовать экскурсии для расширения кругозора у меня не выходит: новая информация вылетает из головы сразу по выходу из музея. Тем не менее я внимательно прочитал все таблички: эрудитом не стану, но, возможно, смогу сделать пару умных комментариев у панорамы.

В одном из залов мы прошли мимо группы кукольных солдат человеческого роста. Большинство из них находилось за стеклянным ограждением. Одна фигура стояла снаружи, как будто присматривая за остальными. «Наверное, забирают на реставрацию», – подумал я. Огляделся по сторонам – рядом никого из работников музея не было. Удержаться от соблазна потрогать экспонат не получилось. Подошел к фигуре сзади и тихонько шлепнул пониже спины: «Часовой! Доложить обстановку!»

Еще не завершив фразу, по упругой мягкости тела понял, что трогать его не стоило. В следующую секунду фигура резко развернулась. На меня уставилось круглое розовошее и крайне разгневанное лицо гусара российской армии. Пышные усы развевались по сторонам, а оскорбленный взгляд обещал немедленную смерть или, в лучшем случае, пулю на дуэли завтрашним утром.

– Простите ради бога! – промямлил я, пятясь назад. – Думал... что экспонат.

Извинение прозвучало искренне – лицо гусара смягчилось, и он громко рассмеялся:

– Значит, с нарядом все в порядке!

– Не знал, что военная форма тебя заводит, – раздался сзади голос Григория. – Куклу бы купил. Нельзя же прямо в музее к людям приставать.

– Очень смешно! – саркастически ответил я, понимая, что этот эпизод в красочном пересказе Григория будет преследовать меня всю жизнь.

Гусар принял ремарку на свой счет:

– Смешно? – забыв о достигнутом перемирии, он грозно посмотрел мне в глаза: – Такие ошибки смывают кровью! Приказываю вам тотчас отправиться на защиту Шевардинского редута под начало генерал-лейтенанта Горчакова!

– Какого редута? – ошарашенно спросил я.

– Шевардинского. Вы что, панораму не видели еще?

– Как раз туда идем.

Гусар подмигнул правым глазом и разразился громким смехом:

– Да не волнуйтесь: шучу я! Перепутали человека с куклой – с кем не бывает? Если хотите, для меня это комплимент: достиг, так сказать, исторической достоверности. Полностью готов к реконструкции!

– Будете участвовать в Бородинском сражении? – проявил интерес господин Дадли.

– Каждый год участвую, – гордо ответил гусар, – и в сентябре поеду. Я, между прочим, в этот раз один из организаторов. Работы побольше, конечно, но есть и привилегии. Вот приехал как раз роль себе подобрать, обмундирование примерить.

– Как любопытно! – вступила в разговор Юля. – Выбрали уже, кого изображать будете?

Он расправил плечи:

– Да вот думаю, не замахнуться ли на самого Петра Ивановича.

– На Багратиона, что ли? – спросил я.

Знакомство с информационными стендами прошло не зря: гусар наградил меня уважительным взглядом:

– На него самого. Прошлогодний Багратион с лошади неудачно приземлился: до сих пор ногу разрабатывает. В этом году, хитрюга, раненым в лазарет идет – медсестер кадрить будет. Там у нас, скажу вам, девчонки одна другой краше!

– Как бы хотелось поучаствовать в реконструкции! – мечтательно произнес господин Дадли.

– Так приезжайте, мы новобранцам всегда рады, – дружелюбно предложил гусар. – Генеральскую должность не обещаю, но какое-нибудь теплое местечко подыщем. В батарею Раевского, например. Снаряды подносить можете?

Роберт поблагодарил за доверие, потом объяснил, что в Москву приехал ненадолго.

– Эх, жалко! – огорчился гусар. – Что-то мне подсказывает, что из вас вышел бы отличный артиллерист.

– Солдат познается в бою, – скромно ответил Роберт. – Возможно, съезжу дома на реконструкцию битвы при Гастингсе.

– Так вы из Англии? – удивился гусар. – Никогда не встречал иностранцев, которые так по-русски шпарят. А знаете что? – сказал он после небольшого раздумья. – Если уж издалека приехали, давайте я вам в качестве презента небольшую реконструкцию прямо здесь органирую.

– Это как? – удивился господин Дадли.

– Лошадей и артиллерию, понятно, не соберем, а вот с обмундированием проблем нет! Выбирайте хоть пехоту, хоть гренадеров, хоть егерей. Приоденетесь – и наверх, панораму смотреть. Будет вам полное погружение!

– Как-то... неудобно, – замялся Роберт.

По выражению лица было понятно, что предложение его заинтересовало. Юля не возражала:

– Почему бы нет? Фотографии получатся замечательные!

– Тогда за мной! – скомандовал гусар и резво направился к выходу из зала.

Господин Дадли и Юля пристроились за ним, мы с Григорием – чуть позади в арьергарде. Бросив взгляд на друга, большого энтузиазма по поводу предстоящего маскарада я не заметил. Справедливости ради надо сказать, что даже в счастливые моменты лицо Григория сохраняет определенную долю скептицизма, как будто в следующие пять минут он ожидает порцию неприятных новостей.

– Что-то не так?

Он ответил, что пока все в порядке, но расслабляться не стоит: все реконструкторы, по его мнению, люди более или менее сумасшедшие, и держаться от них надо подальше.

– Скажи мне, Дима, какой нормальный человек будет каждый год надевать доспехи и воевать с французами в Подмоскowie?

Я предложил ему глянуть в зеркало, прежде чем высмеивать других:

– Некоторые до утра в танки играют. Их ты больными не считаешь?

Григорий удивился, что я не вижу разницы между высокотехнологичным продуктом и деревенским спектаклем, у которого есть только одно достоинство: по окончании вся массовка может хорошенько накатить прямо на поле боя.

– Еще один способ оставить жену дома и напиться с друзьями, – объяснил он. – Такой же, как рыбалка. Только вместо улова обмывают славу русского оружия. По поводу рыбы жена скандал может устроить, а против героев Бородина уже не попрешь: непатриотично.

Я усомнился, что употребление алкоголя было единственной мотивацией реконструкторов:

– Наверняка среди них есть настоящие любители истории.

Григорий понизил голос:

– Этих надо опасаться больше всего. Откуда, думаешь, столько Наполеонов по сумасшедшим домам сидит?

Мне показалось, что с такими теориями вполне можно претендовать на место в соседней палате.

– Не надо принимать осторожность за паранойю, – сказал мой друг и призвал сохранять бдительность, пока кандидат в Багратионы находится неподалеку.

В следующем зале гусар остановился перед дверью с надписью «Только для персонала»:

– Кто еще будет участвовать?

– Спасибо, как-нибудь в другой раз, – ответил Григорий и строго посмотрел в мою сторону.

Заметив колебания, нарисовал губами категоричное «нет».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.